

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Убийственная
красота*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Убийственная красота

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Убийственная красота / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Чтобы устранить конкурента, человек готов совершить убийство... самого себя. Неужели подобное возможно вообще? Расследуя непонятную череду покушений и убийств, «важняк» Александр Турецкий убеждается, что даже такое прекрасное и «мирное» дело, как омоложение организма человека, возвращение ему здоровья и красоты, связано со смертельным риском, если в этом процессе участвуют огромные деньги и амбиции.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	37
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Фридрих Евсеевич Незнанский

Убийственная красота

Глава 1

Ненависть

Невысокий, щуплый мужчина покинул одну из квартир солидного, сталинской постройки дома. Спустившись вниз на один пролет, он постоял, глядя в окно лестничной клетки, думая о своем.

Как он всех их ненавидел! Всех этих сытых, довольных жизнью граждан. А недовольных он ненавидел еще больше, потому что их мелочные обиды, их претензии к жизни казались ему мышинной возней. Оскорбляли его знание предмета под названием «жизнь».

Это его, а не их швырнули десять лет назад в горнило войны, бессмысленной и беспощадной. Это его, сопливого мальчишку, научили убивать и бояться быть убитым. Каждый день, каждый час. Это он ходил по выжженным солнцем полям, засеянными минами, словно картошкой. Он боялся сделать неверное движение, которое стоило бы ему жизни. Каждый день, каждый час.

Это он сидел в вырытой яме, один на один с вооруженным афгани. Они сидели друг напротив друга, направив стволы друг другу в грудь. Бой затих, это была нейтральная полоса. На которой, как пел бард, «цветы необычайной красоты».

В жизни никаких цветов не было. Был противник, седой афганец, сидящий неподвижно, как изваяние, и не сводящий с него, мальчишки, острого, как у орла, взгляда. Он просто ждал. Потому что первый, кто хоть на секунду ослабил бы внимание, тотчас был бы убит. Они сидели так сутки. Пока не началась атака наших. А могли начать не наши, а совсем наоборот. И тогда он остался бы лежать в яме. Навсегда.

И после этого, после такого везения, подарка судьбы, когда до дембеля оставались считанные дни, прогремел взрыв, сделавший его инвалидом. Хорошо, хоть ноги и руки целы. Но что толку с них, если ни одна женщина не желает общаться с ним больше пяти минут? За исключением двух. И обе годятся ему в матери. С одной он глушит водку. Другая отпаивает его чаем. Потому что, к сожалению, он не может пить помногу и подолгу. Дикая головная боль и судороги – вот плата за мгновения забвения.

Обе женщины его жалеют. Ха! Разве это нужно мужчине от женщины? Он ненавидит и их, этих женщин. Потому что они все равно не могут заменить ему мать. Он ненавидит и мать, которая умерла, пока он воевал, и некому было встретить его после войны, и некому пожалеть. Он ненавидел отца, который бросил их, когда он был еще маленьким мальчиком и так нуждался в его мужской руке, куда так уютно совать детскую ладошку.

У него нет друзей. Потому что с ним тяжело общаться. Он не хочет видеть, как собеседник отворачивается от него, жалея, что увидел и заговорил. Вернее, у него есть два друга. Один – «однорукий бандит» – дает забвение без изнуряющей головной боли. Но это дорогой друг. Он все время требует денег.

Есть и другой друг – компьютер, – он тоже вошел в его жизнь после армии. Этот друг позволяет ему почувствовать себя героем, настоящим мачо, плейбоем. О, сколько их стоит на его полке, дискет с упоительными в своей жестокости играми. Он может просиживать за экраном монитора целыми днями, одним движением «мышки» убивая и уклоняясь от пуль. Он вообще не выключал бы компьютер. Но и за эту радость приходится расплачиваться дикой головной болью. И нужно делать перерыв.

И нужно зарабатывать хоть какие-то деньги. Нужно есть. Одеваться. И время от времени уходить в забвение запоя.

Жирный упырь, который нанял его, думает сыграть свою партию. Посмотрим, как лягут карты...

В любом случае лично он не должен оказаться в проигрыше...

Он отошел от окна, быстро и тихо ступая, поднялся на два этажа выше. Подошел к электросчетчикам, вывешенным в ряд прямо напротив лифта. Посмотрел на движение дисков. Скорость вращения говорила о том, что во всех трех квартирах хозяева находятся дома. И, видимо, телики смотрят. Чего же им еще делать воскресным вечером? Он извлек из сумки небольшую белую коробочку и бутылочку с клеем. Отвинтив колпачок, смазал одну сторону коробочки и, поднявшись на следующую площадку, закрепил ее над квартирным звонком возле одной из дверей. Теперь стало видно, что в центре коробочки был кружок, на котором нарисован колокольчик. Обычная коробка, закрывающая электропроводку для звонка, может, чуть больше размером.

Мужчина быстро и бесшумно начал спускаться по лестнице.

Утром девятнадцатого августа в ОВД «Арбатском» раздался звонок. Дежурный поднял трубку, взглянув на часы. Восемь двадцать. До окончания смены – сорок минут. В девять оперативка... Господи, скорее бы домой, под одеяло.

– Пятьдесят первое отделение. Дежурный слушает.

– Товарищ, у нас взрывное устройство! – прокричал в трубку мужской голос.

– Чего?

– Взрывное устройство. Над дверью квартиры.

– А с чего вы решили, что оно взрывное, это устройство? Как оно выглядит?

– Такая коробка пластиковая для звонков электрических, понимаете? Она висела над дверью.

– Почему «висела»?

– Ее наш электрик снял. Мы его вызывали.

– Зачем?

– Ах, ну что вы все не о том?.. Вызывали, потому что думали, что это он повесил. А он не вешал. Он сейчас его разминирует.

– Кого?

– Устройство! Взрывное!

– Мужчина! Вы проспите сначала, потом звоните.

Дежурный бросил трубку.

– Че там? – спросил напарник.

– Да ну их! Как начнут с пятницы бухать, так до понедельника не угомонятся. Взрывное устройство у них, видишь ли!

– Так, а что? – сделал стойку лейтенант, надрессированный на борьбу с терроризмом. – Какое устройство? Мешок с песком? Чего ты трубку-то бросил?

– Какой, блин, мешок? Коробка для звонка над дверью. И какой-то электрик ее уже успешно разминировал.

Телефон снова ожил. Теперь трубку снял лейтенант.

– Пятьдесят первое. Вас слушают.

На этот раз трубка прямо-таки разрывалась от женского вопля.

– Нас хотели взорвать! Почему вы бросаете трубку? Нас чуть не убили!

– Тихо, гражданка! Что произошло?

Женщина, давась рыданиями, повторила то же, что минуту назад поведал мужской голос.

– Адрес назовите. Староконюшенный, так... – Лейтенант делал запись в журнале. – Ждите, к вам приедут.

– Ну и дурак ты, Гришка. Еще в журнал, главное дело, вписал. Теперь дуй туда за полчаса до конца смены, – вздохнул капитан, отвечавший на первый звонок. – Молодой, резвый, уματο нет, – меланхолично добавил он.

Минут через двадцать наряд милиции стоял на лестничной клетке пятого этажа дома номер девять в Староконюшенном переулке. У двери тринадцатой квартиры ничего, кроме кнопки звонка, не было. Вернее, над звонком виднелись следы чего-то белесого.

– Клей? – сделал гениальное предположение один из милиционеров.

Остальные кивнули. Лейтенант позвонил. Еще раз.

– Они небось пари заключили с соседями: через сколько минут мы приедем, – предположил все тот же смекалистый мент.

– Тогда у них дверь снесу, – мрачно ответил лейтенант.

Но дверь сносить не пришлось. Послышались осторожные шаги, щелкнул замок, дверь тихо приоткрылась. В проеме показалось холеное, но изрядно напуганное лицо мужчины. Первым делом он взглянул не на милицию, а на то место на стене, которое было испачкано. Мужчина облегченно вздохнул.

– Вот здесь висело, – указал он пальцем на пятно.

– И где же оно сейчас?

– Я не знаю. Его электрик унес.

– Куда?

– Сказал, понесет за дом, на стройку. А нам велел вызывать милицию.

– Ага. А если мы сейчас за домом никакого электрика не найдем, что тогда будет?

Из-за спины мужчины показалась дама с некрасивым, покрытым красными пятнами лицом.

– Что вы такое говорите? – почти закричала она. – Нас всех могли взорвать! Вы позвоните соседям! Они видели! Хорошо, что Круглов согласился прийти! Если бы не он... Вас не дозовешься! Вы только на трупы выезжаете!

– Кто такой Круглов? – невозмутимо спросил лейтенант.

– Электрик наш!

На шум, поднятый нервной дамой, отворились двери соседних квартир. Выползли двое престарелых граждан: мужчина и женщина. Они подтвердили, что да, висело над дверью тринадцатой квартиры взрывное устройство. В виде пластиковой коробочки.

– Да с чего вы все взяли, что оно взрывное? – спросил лейтенант.

– Так внутри тикало! – вскричала нервная дама.

Милиционеры переглянулись, затопали вниз по лестнице.

За домом номер девять, в глубине квартала, стоял полуразрушенный, расселенный дом. Рядом высились два подъемных крана, не подававших признаков жизни.

– Эй, живые есть? – крикнул зычным голосом один из милиционеров.

Из разбитого окна первого этажа кто-то отозвался невнятным мычанием.

Милиционеры переглянулись и кинулись к окну. В углу комнаты с кое-где уцелевшими обоями на куче щебня сидел мужчина, держа в руках части непонятно чего...

Все инстинктивно отпрянули.

– Н-н-н не б-б-б-ойт-т-тесть! В-в-в-се уже! – еле выговорил мужчина.

Глава 2

Таланты и поклонники

Теплый августовский вечер вступал в свои права. Тихая московская улочка в центре города, почти безлюдная днем, сейчас наполнилась роскошными автомобилями, которые двигались в одном направлении: к небольшому особнячку кремовых тонов, стоящему в глубине ухоженного сада. «Мерседесы», «ауди», «БМВ», «ситроены» и прочие транспортные средства отнюдь не отечественного «розлива», мягко шурша шинами, замирали перед зеленым газоном. Из авто выпархивали, словно бабочки на огни фонарей, дамы в струящихся нарядах, невообразимых шляпах и с невероятными прическами. Их сопровождали господа в смокингах и без. Изысканную гамму красок разбавляли пестрые летние рубашки, а то и мятые льняные брюки.

Это место, известное в киношной среде как клуб «Шатильон», по четвергам собирало на party свою паству, которую составляли таланты и поклонники: высокопоставленные мастера кисти, пера и кинематографа, маститые режиссеры и критики, их ухоженные, высокооплачиваемые жены, молодые, но уже удачливые дарования, банкиры и прочие вершители судеб. Они фланировали с бокалами в руках по дорожкам, проложенным между журчащими крохотными фонтанчиками. За углом особняка, на краю очаровательной лужайки, находилась сцена. На ней – музыканты, джазмены. Под изящным навесом перед особняком разместились гриль с медленно поворачивающейся тушей телятины и сервированные плетеные столы со стульями. Здесь же – буфетная стойка с многообразием холодных и горячих закусок, а также прохладительных и горячительных напитков.

Публика, ощущая себя в декорациях «фабрики грез», в этаким «павильонном» Голливуде, наслаждалась своей причастностью к избранным, приобщенным к неким таинствам.

Степенная дама в изысканной шляпе с огромными полями, имеющая профессиональное отношение к музыке, прогуливалась со смазливой девушкой – студенткой Гнесинки.

– Ах, милая, ну о чем вы говорите? Крещендова может брать две с половиной октавы? Кто это сказал?

– Она сама и сказала. Я читала интервью. Она добавила только, что для этого нужна удобная теситура.

– Вы меня утомили! Удобная теситура для нее – это полторы октавы. Деточка, вы должны уже знать, что у женских голосов есть «свистковый регистр». Если этот «свисток» считать голосом, то да, тогда можно вытянуть и три октавы. Но мы-то говорим о нормальном грудном голосе. И если иметь в виду его, то у нас певиц с широким диапазоном раз-два и обчелся. Две с половиной октавы берет Ирочка Фатеева, которую мы сейчас услышим. Она сегодня исполняет для нас джаз. Ее бывшая подруга, которая блюдет погоду в доме, еще Калерия и вы, моя радость. Так что я возлагаю на вас большие надежды.

– А Разина?

– Оставьте. Она свой голос давно пропила и прокурила. Сейчас едва вытягивает полторы.

И только «внизу».

– А мужчины?

– Вас интересуют мужчины? – подняла бровь преподаватель.

– Только профессионально, – испугалась девушка.

– Кто именно?

– Ну... Виктор Краснов.

– Этот красавчик? Видите ли, о нем сложно говорить. Он использует две манеры пения – академическую и эстрадную. Полагаю, его диапазон не более двух октав. Еще менее интересен Бергус, который при весьма хилом голосе вытворяет просто эквилибристику, переходя на свой

знаменитый фальцет. Мне интереснее наш «брат по крови» Саша Ленкин. Вот у него дивный контртенор, настоящий альтовый звук, как у знаменитого кастрата Фаринелли. Впрочем, душа моя, диапазон – это еще не все. И даже совсем не все. Главное – тембр, интонация. Понимаете? Певец должен быть узнаваем. Очень важна проникновенность исполнения, понимаете? А это чудо возникает, когда исполнитель сам преисполнен чувствами, когда ему есть что выплеснуть, когда душа преисполнена гармонией и просто необходимо передать это слушателю, понимаете?

С этими словами дама приобняла девушку за талию. Та изо всех сил старалась не отшатнуться, изображая на хорошеньком личике благодарную улыбку. Улыбка получилась жалкой.

За одним из плетеных столиков тесно сгрудилась компания. На столике стояли вина, закуски. Оттуда доносились взрывы хохота. В центре внимания был полный господин, говоривший густым басом:

– ...Но ведь какая реклама, господа! По формуле крови, только у нас, только один раз... И ведь какие люди среди клиентов! Главный энергетик, бывшие премьеры, «настоящие полковники», кого там только нет! С такими людьми худеть не стыдно. И у всех потеря в весе на десятки килограммов!! Ладно, прихожу. Первое, что меня поразило...

– Стоимость процедуры, – подал голос кто-то из слушателей.

– Это ладно, какая-то штука баксов, это ерунда. Сдал кровь, иду к доктору. А он посмотрел на меня так зловеще и говорит голосом Карабаса-Барабаса: «Ну все! Скоро ты, мужик, жрать перестанешь!» Это мне! На «ты»! – Мужчина выдержал эффектную паузу. – Знаете, и я перестал.

Общий хохот.

– Что, вообще?

– Нет. Получаю, значит, список разрешенных продуктов. И получается, что мне можно есть только чечевицу, гречневую кашу и рыбу «ледяную». Господи, я знать не знал, что бывает такая рыба! И никакого алкоголя. Чай и кофе тоже нельзя. Можно только воду. А мы с женой как раз после этого уехали отдыхать в Испанию. И вот представьте: море, солнце, возле пляжа кабачков всяких немерено. Кругом запахи жареного мяса, молодого вина, но никакой чечевицы и гречневой каши! А я не могу ничего другого есть! Просто не могу! Он меня, видимо, зомбировал, эскулап этот. Хорошо, я догадался взять с собой гречневую крупу и чечевицу. Как нас таможня пропускала – это отдельная песня. Они никак не могли врубиться, зачем мне в Испании греча и чечевица. Они два часа изучали мой багаж. Собачку притащили, она всю мою крупу обмусолила. То есть таможня была уверена, что я везу наркоту. И ужасно злилась, что не может ее найти.

– И что дальше?

– Ну все-таки пропустили, как вы уже поняли. Так вот, Маруся моя каждый день баловалась средиземноморской рыбой, шашлыками и стейками, пила литрами молодое вино. А я сидел с ней рядом во всех этих кабачках и злился и ненавидел ее, себя, свой вес, доктора и его метод. Потом, в апартаментах, мы варили мне кашу. Я поедал ее с отвращением. А Маруся в это время на моих глазах объедалась фруктами. Но, представьте, я похудел! На десять кило.

– Еще бы ты не похудел на чечевице! В Ленинграде, во время блокады, тоже толстых не наблюдалось.

– Самое смешное, что моя Маруся, которая ни в чем себе не отказывала, а просто много и с удовольствием плавала, ела фрукты и пила вино, похудела на семь.

Народ снова расхохотался.

– Да все это туфта! – перебила рассказчика дама с весьма крупными формами. – Весь этот бум с доктором Медведевым уже проходит. Это ты, Венечка, засиделся в своем Переделкине, отстал от жизни. Мы тоже ходили с приятельницей. Отдали свои баксы. Получили списки. А приятельница моя – журналистка. Они такое расследование журналистское устроили: пошла

к Медведеву через неделю и сдала кровь заново. Как будто в первый раз. И что? Получила список разрешенных продуктов, прямо противоположный первому! Вот тебе и метод. А когда предъявила Медведеву оба списка, он ее обозвал шарлатанкой. Ее! Зачем, мол, было дважды сдавать кровь? Так порядочные люди не поступают!

Новый взрыв смеха.

– Ребята! Все эти диеты вообще полная чушь! Уж сколько перепробовано! Хорошо, ты сбросил десять, двадцать килограммов. И что? Кожа обвисает, как у бульдога. Что прикажешь делать с этим? Следующий этап – пластическая операция. И опять деньги, и немалые.

– Нет, если уж делать инвестиции во внешность, идти нужно только к Нестерову, – воскликнула известная актриса, все еще красивая, но с явными признаками увядания на знакомом всей стране лице.

– Ха, к Нестерову! Это всякий знает, что к нему лучше. Так к нему еще попасть нужно. Запись на полгода вперед! И деньги не те, что у Медведева, а на порядок больше, – возразил кто-то из мужчин.

– Так ведь есть за что платить! Господи, вы же видели!.. – И из уст актрисы посыпались известные фамилии. – Это же чудо, что с ними произошло! Они по десять, пятнадцать лет скинули! Лет, а не килограммов!

– А что он делает, этот Нестеров? Просвети меня, Нелочка, а то, говорят, я безнадежно отстал от жизни. А мне тоже хочется на праздник любви, – пробасил толстый Венечка.

– Я подробностей не знаю. Он проводит курс омоложения. Это недели две. Какие-то уколы. Это все стационарно. У него своя клиника. Но люди выходят – их не узнать! Причем они продолжают молодеть уже после выписки. Как будто волшебные пилюли проглотили. И еще полгода молодеют. И худеют. Потому что обмен веществ повышается, жиры сгорают сами. Молодеют и худеют.

– А потом впадают в детство, – вставил какой-то остряк.

– Потом еще лет десять сохраняют молодость. И не только внешнюю! И мозги лучше работают, память улучшается. А для актеров это очень важно.

– Да что он делает? Может, вливает кровь христианских младенцев? Может, он Мефистофель какой?

– Да-да, что-то в этом роде, – пискнула молоденькая актриса.

– Чушь! Кто бы ему разрешил? Что за Средневековье? Он уже два года работает. К нему не попасть. И недовольных результатом я не знаю. Это ты, Дунечка, молодая еще. По паспорту. И не хочешь конкуренции. Потому что молодость – это твое единственное преимущество, – влепила юной актрисе примадонна.

Дуня залилась краской.

– А я слышала, что его закрыли, вашего Нестерова! Значит, что-то не так, как надо и как можно. А что до молодости, что же это вы, уважаемая Нелли Андреевна, так хотите ее вернуть? При ваших-то талантах и поклонниках?.. Лысых и беззубых, – громким театральным шепотом добавила она.

За столом назревал скандал.

– Фу, девочки, не ссорьтесь! – воскликнул седовласый красавец. – Гляньте-ка вон на ту аллею.

Все, как по команде, развернулись в указанном направлении.

– Видите, наш мэтр, наш режиссер номер один, ведет под руку прелестную Верочку Горбовскую, славу отечественного кинематографа. Между прочим, женщину, любимую собственным мужем, красавцем Олегом, несмотря на десятилетний супружеский стаж и такую же разницу в возрасте... Для актерской среды – случай редкий. Он ведь, кажется, тоже задействован в новом проекте Бояринова?

– Да, они оба – исполнители главных ролей. Вот это и есть настоящее испытание брака на прочность. Только Верочка и Олежка еще с Бояриновым не работали и не знают, что их ожидает, – грустно произнесла молчавшая до сих пор очаровательная блондинка.

Сидящие за столом как-то смущенно отвернулись от аллеи, где прогуливалась пара, и потянулись к бокалам, к сигаретам, к ножам и вилкам...

Только блондинка продолжала следить глазами за парой.

– Я читала сценарий. По ходу действия счастливая супружеская пара терпит полный крах семейных отношений. И вот увидите, так будет и в жизни. Потому что во имя достоверности фильма он рассорит их навеки. Так было со мной и моим Женей, так было со многими. Так было и так будет.

– Рита, ну зачем ты так? – укоризненно произнесла Нелли Андреевна. – Он талантлив, как Бог...

– Как Дьявол, – поправила ее Рита и улыбнулась. – Впрочем, это теперь не моя печаль. Посмотри за столик, где Олег сидит с ребятами из театра. Посмотри, Нелочка.

Украдкой взглянув на крайний столик, где отдыхала после спектакля группа актеров одного из самых популярных московских театров, Нелочка увидела, как Олег Золотарев что-то быстро и громко говорил, улыбаясь одними губами и не глядя на собеседника. А глаза его, большие, черные глаза, встревоженно и напряженно уставились в темную аллею. Туда, где скрылись его жена и Бояринов.

– Фу, прекратите! – вскричал седовласый красавец. – Вон жена Бояринова разгуливает с какой-то барышней и не дергается. А вы-то что всполошились?

Блондинка лишь улыбнулась краешком рта.

– Рита, ты мне прекрати Мону Лизу строить. А то изнасилую тебя прямо здесь, с особым цинизмом.

– А я? – вскричала яркая брюнетка. – Сначала меня, я все-таки законная жена!

Все расхохотались.

– Ребята, а бычок-то зажарился! Чуете? – возопил толстый Венечка. – Я сейчас половину съем, не меньше! А если кто попробует отнять...

– Мы его к Медведеву, на перевоспитание...

Веселье набирало обороты.

– Так вот, душа моя Верочка, это будет очень странный фильм. Сны, сны и сны. Переход из одного в другой, фантазии, которые подсовывает нам подсознание и которые воплощаются в этих снах яркими, красочными картинками, безумными переживаниями. Вам ведь доводилось испытывать в снах животный ужас от преследования жутких злодеев, которых творит причудливая ткань сновидения из знакомых в жизни лиц: управдома, врача-стоматолога и прочих. Доводилось?

Бояринов остановился под фонарем, рассеивающим тьму мягким матовым сиянием, посмотрел глубоким, завораживающим взглядом на стройную женщину, кутающуюся в шаль. Длинные русые волосы струились поверх шали.

– Доводилось, – глубоким, удивительного тембра голосом ответила женщина.

– Они преследуют вас, загоняют в угол, в их руках орудия пыток, вы кричите от ужаса... И просыпаетесь. Ваше сердце бешено колотится, но вы вздыхаете с облегчением: вы дома, в безопасности, рядом мирно посапывает любимый муж... Но в нашем фильме, просыпаясь, вы будете попадать в другой сон, где воплощаются в жизнь самые смелые эротические фантазии, в которых вы никогда не признались бы себе наяву. Вас обнимает не муж, но совсем другой мужчина, и вы, к собственному удивлению, не испытываете стыда, а лишь желание, неукротимое желание.... И с безрассудством отдаетесь ему.

– Нечто подобное было...

– Не затрудняйте себя перечислением. Я не хуже вас знаю мировой кинематограф.

– Извините, – смутилась женщина.

– Прощаю, – улыбнулся Бояринов. – Нет ничего нового под солнцем, дорогая Вера. И все ново. Любовь – вечная тема искусства. Но каждый рассказывает одну и ту же историю по-своему. Своими чувствами и словами. Своими героями. Выбором актеров, наконец.

– Я, признаться, удивлена вашим выбором, Антон. В сценарии масса эротических сцен, обнаженка... А у нас простаивает столько молоденьких актрис...

– Верочка, вы кокетничаете. В фильме будут и молоденькие актрисы, если вы внимательно читали сценарий, вы должны были это заметить. Но главные герои – это люди зрелые. Это фильм о благополучной семейной паре, о счастливой паре, но... Жизнь так устроена, что счастье не может длиться вечно, понимаете? Благополучие создает ощущение пресыщенности, скуки. Помните, у Бродского:

...Так долго вместе прожили мы с ней,
что сделали из собственных теней
мы дверь себе – работаешь ли, спишь ли, —
но створки не распахивались врозь,
и мы прошли их, видимо, насквозь,
и черным ходом в будущее вышли.

Вот о чем этот фильм! Понимаете?

Он взял ее руку в свою, пристально глядя на женщину влюбленными? да, влюбленными глазами!

– Понимаю. – Вера почувствовала, что некий ток пробежал через их ладони, и не смогла убрать руки.

– А что до обнаженки, то вам бояться нечего. У вас прекрасная фигура. И вы чрезвычайно сексуальны. А голос? Один только ваш голос может свести с ума любого. Сексуальность – это ведь понятие вневозрастное. Она или есть, или ее нет. Помните наших знаменитых старух? Не нынешних, которые перекраивают себе физиономии и думают, что нелепая, застывшая маска может вернуть им молодость. Нет, я о тех, прежних старухах, которые не делали никаких операций, которые несли свою старость с гордо поднятой головой и были... сексуальны! Да! А вы еще совсем молодая женщина. Да-да. Не заставляйте меня говорить банальности вроде: женщине столько лет, на сколько она выглядит.

Вера усмехнулась.

– И потом... Зритель знает вас с вашего детства. Сколько вам было, когда вы впервые оказались перед камерой?

– Двенадцать.

– С тех пор вы – героиня романтических, патриотических лент. И ваше появление в эротическом кино – это будет фурор! Признаюсь, именно на вас я делаю главную ставку. На вас, а не на Олега. Он – фон. Но, конечно, не должен об этом знать, понимаете?

Режиссер заговорщически подмигнул, Вера рассмеялась, кивнула.

– Мы все сделаем очень красиво. Катышев оператор от Бога. Ему ничего не нужно объяснять. Все будет размыто, как во сне. Лишь контуры, очертания фигур. Запрокинутое лицо, струящиеся волосы... И главным действующим лицом во всех эротических сценах будет ваш удивительный голос.

Он говорил эти слова, и его собственный голос, обычно высокий и неприятный, звучал неожиданно глубоко. Он обволакивал, этот голос, проникал насквозь. Вера чувствовала, что наполняется, пропитывается его ощущениями, его замыслами и... И ей хочется сделать все, что он от нее потребует.

– Хорошо, я попробую все это сыграть, – улыбнулась она.

– Сыграть? Нет, дорогая. Мы *проживем* этот фильм. Проживем его все вместе. Ваш талант, талант вашего мужа и мои скромные способности – все это будет положено на алтарь искусства. По рукам?

– По рукам, – эхом откликнулась Горбовская.

Он поднял ее руку, прижал к губам. Она почувствовала на своей коже прикосновение мягких, полных губ. И замерла, как сомнамбула. Мгновение длилось бесконечно долго. Вера не слышала шагов по асфальтовой дорожке и вздрогнула, лишь когда в очерченном фонарем круге света возник муж, Олег Золотарев.

– Вот вы где! – излишне беспечно воскликнул Олег.

Вера инстинктивно попыталась выдернуть руку. Не тут-то было. Бояринов держал ее еще какие-то доли мгновения, внутренне упиваясь напряженным взглядом Олега, прикованным к их соединенным рукам. Лишь тогда, когда счел нужным, он отпустил женщину и повернулся к Золотареву.

– В чем дело, Олег? – холодно спросил мэтр. – Мы работаем!

– Да как-то долго... Я...

– Что значит – долго? Это кто решает, сколько нужно, вы или я?

– Вы, конечно. Просто там поедает теленка, скоро от него ничего не останется. Вот я и пришел за вами, – словно школьник перед учителем, оправдывался Олег.

– При чем здесь теленок? – поморщился Бояринов. Затем вздохнул и улыбнулся. – Впрочем, почему бы действительно не отведать теленка?

Он обнял Веру за плечи, подвел ее к мужу, другой рукой обнял Олега и повел их по дорожке к особнячку, откуда едва доносились джазовая мелодия и людские голоса.

– Дорогие мои! – торжественно произнес Бояринов. – Дорогие мои! От вас зависит будущий фильм. И вы знаете, вернее, должны знать, хоть мы никогда и не работали вместе, что для меня основополагающим является репетиционный процесс. Актеры должны выйти на съемочную площадку абсолютно подготовленными, внутренне пропитанными идеей фильма, как губка водой. А для этого я должен работать с каждым из вас. Придет и ваш черед, Олег. И с вами мы также будем проводить вместе дни и вечера. Я должен зарядить вас обоих. На съемки отведено всего три недели. У нас не будет времени на бесконечные дубли, понимаете?..

Они скрылись в темноте аллеи.

Глава 3

Неудавшийся праздник

Приемник был настроен на «Эхо Москвы». Турецкий вел машину, слушая Венедиктова, который расспрашивал министра по труду и социальной защите населения о том, как народу жить дальше. Господин министр бодрым голосом докладывал, что жизнь народная неуклонно улучшается, и, если отдельные граждане этого не понимают, это их личные неприятности. Турецкий, когда видел этого господина на экране или слышал его голос по радио, непременно представлял себе министра школьником, вечно опаздывающим на уроки и систематически не выполняющим домашние задания. Турецкий прямо-таки видел, как будущий министр, глядя правдивыми глазами в лицо училки Марии Ивановны, травил байки о слепой старушке, которую нужно было довести до поликлиники, или об автомобильной катастрофе, в которой он, будущий министр, спас всех, кого только можно спасти, включая безнадежно погибших. В руках будущий министр держал тарелку с лапшой и щедро развешивал ее на уши доброй и доверчивой Марии Ивановны. Правдивое выражение лица министра сохранилось с тех времен донине, только в роли доверчивой Марии Ивановны выступает теперь все население страны.

Турецкий сидел за рулем собственного «пежо», поскольку перемещался по городу не в служебных, а в сугубо личных целях. У любимой супруги Ирины Генриховны намечался юбилей. Сороковник. Ирина, к удивлению мужа, приближающую дату воспринимала безрадостно, даже с несвойственной ей хандрой. Вот и гостей собирать отказалась, сказав, что женщины эту дату не отмечают.

И Саша решил устроить жене праздник на двоих. Вернее, на троих, ибо куда же без наследницы Ниночки? Замысел был такой: шикарный стол, который готовят они с Нинулей, и не менее шикарный подарок. Саша уже присмотрел очень милое, изящное кольцо с небольшим бриллиантом. Приобретение подарка и было конечной целью поездки. А что? Разве не заслужила? Еще как! Сколько бессонных ночей, сколько тревог принесла Ирочке Фроловской ее семейная жизнь! Разве такого счастья желала она себе, когда влюбилась в молодого, но уже подающего большие надежды стажера Сашку Турецкого? Да она ни о чем таком не думала! Влюбилась – и все. Как любит до сих пор, прощая ему и безмерную увлеченность работой, и другие... гм... гм... увлечения. «Она заслужила все золото мира», – пропел Турецкий и неожиданно для себя затормозил.

Мысли о супруге не помешали ему выхватить наметанным глазом стройную девичью фигурку в коротком белом платье, стоящую у тротуара. Девушка отчаянно голосовала. Александр отметил длинные стройные ноги, хорошенькое смуглое личико, короткие каштановые кудри, тонкую руку в браслетах. Рука трепетала, словно крыло раненой птицы. Ну и кто же в такой ситуации не остановится?

– Мне к университету. Подбросите? – с мольбой в голосе спросила девушка, склоняясь к приспущенному стеклу.

– А я было подумал, что вам на пожар. Садитесь, – разрешил Турецкий.

– Ну почти угадали. – Девушка опустила рядом с ним на сиденье и улыбнулась.

На щеках ее при этом образовались очень милые ямочки. Саша отметил также ряд жемчужно-белых зубов.

«Эх, молодость, молодость, – с легкой грустью подумал Турецкий. – Все натурально, все очаровательно и безо всяких усилий».

– А что, в универе пожар? Вы из пожарной команды?

– Нет, это у меня пожар! Это я горю синим пламенем. Переэкзаменовка. Преподаватель ждет, а я здесь торчу и никто не останавливается! Представляете?

- Но кто-то все же остановился.
- Да, спасибо вам! Ой, я не спросила, а сколько это будет?..
- Считайте, что вам повезло. Перед вами гусар, а гусары с дам не берут-с. Тем более что нам по пути.
- Ой, вот спасибо! Здорово! У меня, честно говоря, финансовый кризис.
- И не только финансовый?
- Девушка рассмеялась. Она была очень естественна. Никакого жеманства, кокетства. Легкая такая девушка.
- Да уж. Не только. Имеются и другие проблемы.
- Так вы не отличница? И не комсомолка?
- Нет, я двоечница, – снова рассмеялась девушка. И ямочки опять заиграли на лице.
- «Какая у нее удивительная кожа. Нежная, чистая, словно персиковая», – весьма шаблонно подумал Александр и почувствовал некоторое душевное волнение.
- На каких же факультетах держат нынче двоечниц?
- На филфаке. Но я не круглая двоечница. Просто меня женщины-преподаватели не любят.
- Завидуют, ясное дело.
- Чему?
- Молодости и красоте, чему же еще!
- Ну, они у нас и сами еще ничего себе. Хотя, конечно, староваты. Самой молодой – сорок. Это уже почти старость. Вот я ей и пересдаю.
- «Сорок – это уже почти старость! Слышала бы Ирина!» – Александр хмыкнул и спросил:
- Что, если не секрет?
- Историю искусств. Искусство северного Возрождения.
- О! Снимаю шляпу. И как, готовы?
- Ну... Не знаю. Можно, я потренируюсь?
- Девушка тряхнула кудрями и, не дожидаясь ответа, начала:
- Небольшой стране, включающей территорию нынешней Бельгии и Голландии, суждено было стать в пятнадцатом веке самым ярким после Италии очагом европейского искусства. Нидерландские города, хотя и не были политически самостоятельными...
- Александр не слышал слов, наслаждаясь чистым, звонким ее голосом, легким ароматом духов, поглядывая на четкий профиль с прямым, аккуратным носом и слегка выставленным вперед подбородком, выдающим упрямый характер.
- ...По праздникам створки алтаря распахивались, и перед прихожанами возникало во всей лучезарности ван-дэйковских красок зрелище, которое должно было в совокупности своих сцен воплощать идею искупления человеческих грехов и грядущего просветления.
- Как-как? – прислушался Александр.
- Идею искупления грехов и грядущего просветления, – на секунду задумавшись, повторила девушка и тряхнула каштановой гривкой.
- Боже, твоя воля! И где это искупление грехов? Где просветление? С пятнадцатого века и поныне никакого просветления. Зато грехов – хоть отбавляй.
- ...Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем... – чуть грустно проговорила девушка.
- О, да вы знакомы не только с искусством северного Возрождения, но и с Екклесиастом! – изумился Александр. – Здравствуй, племя молодое, незнакомое! Хочется немедленно познакомиться со столь славной представительницей...
- Настя, – улыбнувшись, перебила его девушка.
- Александр Борисович, – чуть склонил голову Турецкий.

– Я, Александр Борисович, вообще-то больше люблю философию древнего мира. Конфуций, Лао-цзы, притчи царя Соломона, древние греки... Действительно, нет ничего нового под солнцем, и не скажешь лучше, чем-то кто-то из древних уже сказал об этом. Ну вот мы почти приехали. У следующего светофора остановите, пожалуйста.

Саша отметил про себя, что останавливаться ему совсем не хочется.

– Что ж, удачи вам, Настя!

Автомобиль замер у бровки тротуара.

– Знаете что? Вы такой замечательный! Я хотела бы вас отблагодарить.

– Это как же? – наострился Александр.

– Приходите вечером в бар «Голливудские ночи». На Варварке. Я там работаю.

– Стриптизершей? – испугался Турецкий.

– Нет, что вы! Официанткой. Там половина нашего курса подрабатывает. Деньги-то нужны.

– Это точно. Деньги еще никто не отменял. И когда?

– Хоть сегодня. Я как раз сегодня работаю.

– Сегодня вряд ли.

– Ну... Когда захотите. Там интересно. Актеры бывают, режиссеры, всякие шоумены. Я через два дня на третий работаю. Мы открываемся в пять вечера. И до утра. Я вас фирменным коктейлем угощу.

– Спасибо, Настя! Давно меня девушки не угощали. Пожалуй, со времен студенческой юности, – с чувством произнес Турецкий

– Ну вот и вспомните юность! – Настя стрельнула в государственного советника юстиции озорными черными глазами и выскользнула из машины.

Саша, пережидая красный сигнал светофора, загадал: если она обернется, схожу в ее клуб, что уж такого-то? Если нет... Девушка дошла до перекрестка легкой, стремительной походкой. Еще мгновение – и она исчезнет. Сердце учащенно забило. Уже на повороте Настя оглянулась, улыбнулась и махнула ему тонкой рукой в браслетах. Турецкий облегченно вздохнул. Сзади нетерпеливо сигналили. Светофор всюду пылал зеленым. Александр нажал на газ, насвистывая арию Тореадора.

Устроить праздник на троих не удалось. Накануне торжества позвонил Грязнов и заявил, что он все равно зайвится поздравить любимую жену лучшего друга, независимо от того, захочет ли его увидеть виновница торжества.

– Захочет! – обрадовался Турецкий.

Ирина рассердилась на самоуправство мужа.

– Ну что ты? Славка же свой человек! – оправдывался Александр.

– А может, я хотя бы в свой праздник хочу побыть с тобой и Ниночкой? Могу я позволить себе такую роскошь раз в сорок лет? Славка придет, вы уйдете на балкон курить и будете говорить только о делах. Что, я не знаю, что ли?

– Клянусь, что говорить будем исключительно о тебе! Чтоб мне сдохнуть!

– Не надо мне пустых обещаний! И я не хочу, чтобы обо мне. Я хочу, чтобы со мной.

– А ты знаешь что? Ты пригласи Тамару. Может, она нашего Славку обворожит, замкнет на себя. И мы будем как бы вдвоем.

– Вот именно – как бы! Тем более что Грязнов не любит эмансипированных женщин.

– Я тоже, – отозвался Александр.

Ирина сердито фыркнула и ушла на кухню.

Тамара – давняя приятельница Ирины по студенческим временам, женщина свободная и приятная во всех отношениях – приглашение приняла с удовольствием.

Но обворозить непреклонного Вячеслава ей не удалось. Вообще весь этот день не задался. С утра Турецкий отправил жену в парикмахерскую, храбро взвалив на себя хлопоты по приготовлению праздничного застолья. Гвоздем программы должны были стать языки по-французски. Подробная инструкция по доведению уже отваренных и «освеженных» телячьих полуфабрикатов до состояния готового блюда лежала на кухонном столе. Александру надлежало натереть яблоки и сыр. В полученную смесь добавить майонез, множество специй, обмазать этим добром лежащие на поддоне языки, засунуть все это хозяйство в духовку. Контакт двадцать минут при температуре такой-то. Не сводить глаз! Не забыть выключить!

Но во время контакта блюда с духовкой пришел Грязнов. Они приняли по малой, заговорили о работе, черт ее побери. Ушли на балкон курить... Нинка, которой был поручен контроль за блюдом, зависла на телефоне... Кончилось тем, что Ирина влетела к ним рассерженной фурией – запах гари распространялся по лестничной клетке. Языки по-французски безнадежно сгорели. И как ни пытались Слава с Александром утешить именинницу, она вдруг горько расплакалась. Тут как раз заявила эмансипированная Тамара. Увидела подругу в слезах, учуяла запах горелой пищи и понимающе хмыкнула. Затем, уже за столом, провозгласила тост за совершенство женщин и убожество мужчин. Тут уж не выдержал Александр. Схватив рюмки и бутылку «Хеннеси», он увлек Славу на балкон...

Раздражение против Ирины не оставило его и поздним вечером, когда они уже лежали в постели.

– Я одного не понимаю: неужели эти несчастные языки стоят испорченного всем вечера? – процедил сквозь зубы Александр.

– Ты вообще много чего не понимаешь, – откликнулась жена.

Турецкий сердито отвернулся и засопел, делая вид, что спит. Слыша, как тихо всхлипывает Ирина, и почему-то не желая ее утешить.

Глава 4

Невидимый меч

Они сидели в небольшом, безлюдном кабачке. Бояринов, оказывается, знал массу таких уединенных местечек в шумной и суетной Москве. Пили вино, поедали всякую морскую живность и говорили, говорили...

– Скажите, Верочка, это ведь не первый ваш брак, правильно?

– Да. Третий. Но, в отличие от двух предыдущих, абсолютно счастливый, – откликнулась Вера Горбовская.

Бояринов лишь рассмеялся таким мефистофельским смехом.

– Что вы смеетесь, Антон?

– Да полноте! «На свете счастья нет, а есть покой и воля». Это стало штампом, но все истины банальны.

– Ну почему же нет? А у нас – есть, – с вызовом ответила Вера.

– И чем этот ваш брак отличается от двух предыдущих?

– Чем? – Она задумалась, покусывая веточку зелени. – Знаете, оба предыдущих были стандартны для людей нашей профессии. Полная свобода, параллельность существования.

– Они тоже были актерами, ваши прежние супруги?

– Нет, первый был художником. Это, впрочем, почти то же самое. Если не хуже. Натурщицы и все такое... По молодости казалось унизительным требовать супружеской верности. Тем более что все мы, по сути, живем на площади, все друг друга знают. И всем хорошо известно, кто с кем спит. Единственное средство защиты – делать вид, что тебе безразличны измены мужа, и... изменять самой. Это на самом деле очень разрушительно для брака.

– Да? Но многие актерские семьи именно так и живут. Годами, десятилетиями.

– Да, это так. Но я, видите ли, из очень патриархальной семьи. Мой отец хоть и москвич, но не коренной. Он осел в Москве после института, женившись на маме. А вообще он из сибирской домостроевской семьи. Где по воскресеньям всей семьей лепили пельмени, где мой дед был строг и скор на расправу. И сам отец был таков же. Тоже мог пройтись ремнем.

– По вашим, как я воображаю, нежнейшим ягодицам? – изумился Бояринов.

– Нет, меня он пальцем не трогал. А вот брату доставалось. Мы все побаивались его. Но и любили. Он был кормильцем, защитником. И он, а не мама разрешил мне сниматься еще девчонкой. Он верил в меня.

– А ваши мужья? – напомнил Бояринов, не забывая подливать Вере вина.

– Мужья? Я уже объяснила. Невообразимая легкость бытия. Разъезды, гастроли, съемки, редкие встречи и неизбежная отчужденность. А мне подспудно хотелось стабильности, незыблемости.

– И вы нашли ее в Олеге?

– Да, представьте, – словно стараясь что-то доказать, ответила Вера.

– Он ведь, кажется, моложе вас? Лет на...

– Десять. А что? – опять с вызовом ответила Вера.

Но по тому, как мгновенно залилось краской ее лицо, Бояринов понял, что попал на болевую точку.

– Господи, да абсолютно ничего! На самом деле вы выглядите моложе, чем он.

– Меня совершенно не волнует, как я выгляжу, – надменно произнесла она.

– Вот как? – лукаво улыбнулся Бояринов.

– Вернее, я уверена в себе. И в своей внешности.

– Господи, Верочка! Да я с первой минуту общения уверял вас, что вы – обворожительная женщина. Что вы – вне возраста. Что ваша загадочная сексуальность сведет с ума любого мужчину от семи до семидесяти лет!

Вера рассмеялась.

– Ну наконец-то! А то я уж испугался, что потеряю свою звезду. Поймите, я расспрашиваю вас не из пустого любопытства. Я должен знать о вас и об Олеге все. Как семейный врач, как адвокат, если угодно. Я должен чувствовать своих Ирину и Максима – героев фильма. Эти вымышленные образы, они будут воплощены в ваши с Олегом тела, в ваши души, сердца.

Вера завороченно смотрела на Бояринова. Мягкий, проникающий в сознание голос, который обволакивает, заставляет быть послушной и покорной.

– Так все-таки что вы нашли в Олеге? – с безжалостностью натуралиста, препарирующего нечто живое и трепещущее, вернулся к своему Бояринов.

– Разве я не ответила? Олег – воплощение надежности, преданности. Я чувствую себя с ним защищенной. Дело ведь не в возрасте, как вы сами говорите, Антон. Как женственность не зависит от возраста женщины, так и мужественность определяется отнюдь не годами мужчины.

– Ах, Верочка, как я рад, что судьба свела меня с такой интересной женщиной! Вы – потрясающая! Но почему вы исчезли из киношной жизни? Я не видел ваших работ лет... семь, пожалуй.

– Да. У нас родилась дочь. Поздний ребенок. И Олег всегда был против того, чтобы я работала. Он сам достаточно успешный актер и может прокормить нас с дочерью. А я, признаться, к моменту нашего романа устала от напряженной работы и в театре, и в кино. Я была рада передышке. К тому же в быту я женщина не капризная и довольствуюсь малым.

– То есть он запер вас в клетке, ваш Олег?

– Ну... Почему запер... Я сама...

Голос ее зазвучал неуверенно. Бояринов снова подлил вина в бокалы.

– Как же мне удалось завладеть вами обоими? Я имею в виду, разумеется, предстоящую работу.

– Это я настояла. Когда от вас позвонили с этим предложением, я уговорила Олега. Вы – один из лучших режиссеров...

– Один из лучших? – переспросил Бояринов, и взгляд его вмиг стал жестким и холодным.

– Хорошо, лучший. Я просто не хотела, чтобы вы заподозрили меня в лести, – испуганно поправилась Вера.

– Все правильно, вы умница, – сухо рассмеялся Бояринов. – Так вы получили предложение и настояли на том, чтобы его принять?

– Да. Олег, если честно, сначала был против. Но я его убедила.

– То есть вы все-таки тоже что-то решаете в семье?

– Разумеется. – Теперь уже голос Веры приобрел металлические нотки.

– О! Вот теперь я верю. Верю, что ваш сибирский характер не размяк окончательно перед очарованием молодого супруга. Bravo!

– Не размяк, – подтвердила Горбовская. – Кроме того, существует и мотив материальный. Наша дочь часто болеет, и мы решили строить дом за городом. Зарботков Олега хватает на жизнь, но для строительства дома этого не достаточно. Он вынужден был смириться и согласиться на ваше предложение.

– Что ж, грех говорить, но нездоровье вашей девочки, дай ей Бог окрепнуть, вернуло вас вашим зрителям, почитателям вашего таланта, среди которых и ваш покорный слуга.

Вера улыбнулась. Она была пьяна таким легким опьянением не только от вина, но и от свободы, которой давно не ощущала, от того, что эта свобода была ей приятна, как приятно было сознание того, что она нравится, очень нравится Бояринову. И от того, что свобода эта была узаконена, что ли. То есть входила в производственный процесс. И поэтому не вызывала

угрызений совести. В конце концов, у них подписан контракт, они с Олегом хорошо зарабатывают. А как работать над ролью, это решает режиссер. А она ни при чем.

«И пусть сегодня он укладывает Сонечку! Пусть разогреет себе ужин, – с непонятным раздражением против мужа подумала Вера. – Я избаловала его. В конце концов, это я принесла нам выгоднейший контракт, это на меня пойдет зритель. Это в меня влюблен режиссер!»

Вера Горбовская вернулась домой глубоко за полночь. Бояринов довез ее на такси до подъезда, вышел из машины и долго еще не отпускал Веру, держа ее руки в своих, что-то говоря, глядя на нее проникновенным взглядом.

Олег видел все это в бинокль. Ему было стыдно, но он смотрел, как Бояринов долго целует руки его жены. Одну, потом другую. Смотрел на ее лицо, раскрасневшееся, с полуприкрытыми глазами...

Да что же это? Что же это делается? Вера взглянула на окна, и Олег отшатнулся, нервно заходил по комнате.

Какого черта он дал согласие на эту работу?! Ведь предупреждали его! Ему говорили ребята из театра – не суй голову в пасть ко льву. Но эти предостережения только раззадорили его: смешно ему, молодому, успешному мужчине, ревновать жену, которая старше его на десять лет, к другому мужчине, который годится ему, Олегу, в отцы. Пусть он хоть трижды талантлив и признан!

И Вера – она так дорожила их очагом, их маленькой крепостью, в которую они никого не пускали. И вот оно!

В дверях щелкнул замок. Олег выскочил в прихожую. От Веры распространялся запах вина.

– Ты... пьяна? – изумился Золотарев.

– Нет, просто выпила, – не своим, чужим, холодным голосом ответила Вера. – Как Сонечка?

– Ты вовремя вспомнила о дочери. Она уже три часа как спит.

– И что? Я работала.

– Вино, посиделки неизвестно где, возвращение полночь-за полночь – это что, входит в работу?

– Не кричи – разбудишь дочь.

Она прошла мимо него, поправляя волосы, и он ощутил запах мужского парфюма, исходящий от ее рук.

– От тебя пахнет его запахом! – вскричал Золотарев. – Этим его одеколоном, – с издевкой проговорил он, – как там? «Дерьмо гусара»?

– Ты с ума сошел? Что ты несешь? – раздался ее голос уже из ванной.

Он прошел за ней. Жена мыла руки, разглядывая себя в зеркале. И ее взор был все еще там, на улице, возле машины. Увидев перекошенное от злости лицо мужа, Вера повернулась к нему.

– Ну что ты злишься? Разве так уж часто я возвращаюсь домой поздно? – спокойно проговорила она. – Мне кажется, это впервые за несколько лет. Обычно это я поджидаю тебя до середины ночи.

– Неправда! До какой середины, что ты мелешь?

– Прекрати разговаривать со мной в таком тоне! – В ее голосе появился металл. – Я была с режиссером! Мы работали над ролью! Ты что же, ревнуешь меня к нему? Это же смешно!

Она рассмеялась.

Он схватил ее за плечи, развернул, заставил наклониться, поднял подол шелкового платья. Его движения были грубыми. Он почти хотел причинить ей боль.

– Что ты делаешь? Мне больно! – Она вырывалась. – Пусти! Я не хочу так!

– А я хочу! – сквозь зубы проговорил Олег, не выпуская ее, еще крепче сжимая стройное тело, раздвигая ногами ее ноги. – Я хочу! Я твой муж! И будет так, как хочу я!

Они не спали всю ночь. Впервые они лежали по разным краям широкой постели, не желая касаться друг друга. Словно между ними лежал невидимый, обоюдоострый меч.

– Ну вот, нечто такое же будет и в павильоне. Примерно так же, примерно... – рассеянно говорил Бояринов, пропуская Веру вперед, в большую комнату со светлыми, плотными шторами.

Он прошел к окнам и распахнул их. Осенний ветер ворвался внутрь, надувая парусами плотную ткань. Комната была пуста. Вернее, она была заполнена. Она казалась заполненной огромной, старинной кроватью красного дерева. Темно-синее шелковое покрывало, на котором разметались подушки, зачехленные розовым, бордовым, желтым шелком. Белые стены. Вмонтированные в них светильники с матовыми плафончиками.

Все. Больше в комнате не было ничего. Ни стола, ни стула.

Вера остановилась.

– Ну что же вы? Не робейте. Проходите, осваивайтесь. Завтра нечто подобное будет на съемочной площадке.

Вера подошла к кровати.

– Это ваше супружеское ложе?

– Нет, что вы, помилуйте. – Бояринов рассмеялся. – Мы с Ольгой Андреевной живем параллельно. Не мешаем друг другу. У нее музыка и ученицы, у меня фильмы и актеры. И это нас вполне устраивает. Садитесь, Вера. Я сервирую столик и вернусь.

– Куда же садиться? – улыбнулась она.

– На кровать, куда же еще? Или вам больше нравится сидеть на полу?

– Я больше привыкла к стульям.

– Отвыкайте. Предстоящие две недели вы проведете исключительно в постели. Вы будете в ней спать, есть, любить, страдать. Вы будете в ней жить. Садитесь и обживайтесь.

Он вышел. Вера села на край постели, глядя в окно. Ветер отбросил штору в сторону, и она увидела вишневый сад, полный старых уже, как Фирс, деревьев.

Он привез ее к себе на дачу. В дом, наполненный легендами и призраками, так, по крайней мере, чудилось Вере.

Дверь скрипнула, Бояринов вкатил столик. Вино, фрукты, что-то там еще... Впрочем, совершенно неважно, что именно. Она чувствовала, что ее начинает бить нервная дрожь. И испугалась за себя, за все, что осталось в Москве и к чему она должна будет вернуться. Ну и пусть! Он сам во всем виноват, ее замечательный муж!

– Что с вами, Верочка? Вы дрожите вся.

– Прохладно, – еле выговорила она.

«Да что же это? Нужно взять себя в руки. Я же не девчонка, черт возьми! Неужели я не могу противостоять ему?» – пронеслось в ее мозгу.

– Знаете что? Давайте-ка выпьем коньяку! Осенняя сырость. Нужно было попросить прислугу затопить камин. Я не успел позвонить.

Даже это «прислуга», непременно кольнувшее бы ее раньше, еще две недели тому назад, прошло мимо сознания.

– Давайте! Коньяк и вправду будет кстати.

Он щедро плеснул в пузатые бокалы из бутылки темного стекла. Она и этикетку не рассмотрела. Все было неважно. Кроме того, что она сидела рядом с ним на краю постели, задрапированной синим шелком.

– Ну-с, за успех нашего безнадёжного мероприятия! – Бояринов протянул ей бокал, взял другой. Они чокнулись. Его глаза были совсем рядом. Странные, непонятного цвета глаза, которые втягивали ее, словно в черную дыру.

Вера залпом осушила бокал, ничего не почувствовав, словно это была вода, а не коньяк. Бояринов с легкой усмешкой следил за ней, пригубливая янтарный напиток.

– Однако, как лихо вы расправились с этой французской штучкой!

– Да, очень мягкий коньяк. И ароматный.

– Ну что вы так нервничаете, Вера? – голосом семейного доктора участливо спросил Бояринов.

– Не знаю. Налейте еще, пожалуйста.

Он исполнил ее просьбу. Вера выпила и заговорила отрывисто, быстро, торопясь сказать то, что хотела сказать, пока страх не сковал ее, не сомкнул ее уста:

– Я отвыкла сниматься. Я вдруг поняла, что могу испугаться камеры. Я боюсь, что буду стесняться себя, своего тела... Я боюсь, что завтра сорву съемку...

– Что вы, Верочка, ну что вы? Вы – самая обворожительная женщина из всех, кого я знаю.

Он шептал ей на ухо всякие нежности, а его руки не спеша, со вкусом снимали шаль с ее плеч, расстегивали пуговицы блузки, осторожно гладили ее плечи, шею. Его губы едва касались ее волос, мочки уха, спускались вниз к ключицам, к впадинке между ними. И снова вверх. Он погрузил пальцы в гриву густых волос, перебирая их где-то на затылке, у самой шеи. И от этого по ее коже, по всему телу пробежала сладкая дрожь. Он был очень нежен. Он готовил ее долго, терпеливо, неумолимо. И наступил момент, когда чувство стыда оставило ее, и лишь желание, неукротимое желание захватило, закружило, поглотило ее...

Они возвращались в Москву вечером. Водитель уверенно вел машину, рассекая темноту светом фар. Вера молчала, кутаясь в шаль.

– Ну что ты? – Бояринов обнял ее плечи. – Что опять? Что тебя тревожит?

– Олег как взбесился. Ревнует.

– Да?

Она не видела, как самодовольная усмешка скривила его рот.

– Что ж, пусть слегка поревнует. Такую женщину ревновать не грех. А то он расслабился слишком, твой Олег. Он нужен нам напряженный, как сжатая пружина. Самодовольных героев-любовников пусть играет в своем театре.

И странно, эти жесткие, если не жестокие слова казались ей справедливыми.

Павильон был готов. Каждый из членов съемочной группы находился на своем месте. Первый съемочный день нового проекта Антона Бояринова начался.

– Все готовы? Тишина! Мотор! – раздался властный голос Бояринова.

Перед камерой выскочила девица с неизменным «дубль один». На широкой постели, застеленной темно-синим шелком, полулежала, опершись на руку, Вера. Обнаженные плечи, грудь. Струились по спине густые русые волосы.

Напротив нее в той же позе полулежал ее партнер и муж, Олег Золотарев. Глаза Веры были полузакрыты. Она говорила своим глубоким, чарующим голосом, медленно роняя слова:

– Это было удивительно... Этот сон... Я никогда раньше не видела этого мужчину, я не знаю его... Но... Он был так нежен со мною... Знаешь, он так трепетно касался пальцами моей шеи, лица. – Рука Веры проделала тот же путь, лаская себя, словно незнакомец из сна был здесь, рядом с нею, и водил ее рукой. – И потом... его рука в моих волосах... Его пальцы перебирают пряди, медленно, чувственно. Они добираются до кожи затылка, низко, почти у самой шеи. И от этого дрожь пробегает по телу... – При этих словах обнаженные плечи и грудь Веры покрылись мурашками. – И все, все, что он делал... Ах, как это было восхитительно...

Она открыла глаза, взглянула на партнера. Он смотрел на нее с ужасом.

Он – не герой фильма Максим, а ее муж, Олег Золотарев.
Камера взяла крупный план.

Глава 5

Закон парных случаев

Для начала сентября вечер выдался непривычно душным. В большом дворе, окруженном добротными кирпичными домами, прохаживалась дородная дама, скучая и обмахиваясь веером. Дама выгуливала таксу. Кобелек занимался своими делами, то пытаясь прорыть траншею в нарядной клумбе, то обнюхивая «письмена», оставленные братьями по разуму, и, задрав короткую лапу, тут же строчил ответ. Дама уже направилась было домой, когда во двор въехал «форд» и двинулся вдоль полосы газона с намерением припарковаться. Однако привычное место стоянки было занято какой-то «копейкой».

«Форд» остановился, из него вышел молодой мужчина.

– Добрый вечер, Николаша! – промурлыкала дама, подходя к соседу.

– Здравсте, Маргарита Сергеевна! А кто это на мое место машину поставил?

– Понятия не имею. Какая духота сегодня!

– Не, что это за дела? Чья тачка? У нас в доме ни у кого такой развалюхи нет. Кто на мое место встал?

– Кто спал на моей кровати и ел из моей миски? – пошутила Маргарита Сергеевна.

Из-за угла здания появился невысокий, тщедушный мужчина и остановился возле крайнего подъезда.

– Черт знает что! – не принял шутки Николай. – Приезжаешь усталый, выжатый как лимон, а какой-то... чудила занял твое место! Толстяк в ней сидит какой-то. И че? И сколько он будет сидеть?

– Ах, Николаша, ну что вы завелись? Поставьте вашего красавца в другое место. Вон, хоть возле клумбы.

– Да? Там место Вадима Яковлевича. А он куда поставит? Вон он как раз едет.

Действительно, к ним приближался рыжий «сааб». Сделав красивый вираж вокруг клумбы, автомобиль замер. Из него выбрался Климович – полный мужчина лет сорока. Навстречу ему с радостным лаем мчался пес.

– Центик, здравствуй, мой хороший. – Мужчина потрепал таксу за длинные уши. – Николаша, привет! Марго, вы, как всегда, прелестны. – Мужчина подошел к соседям.

– Здравсте, Вадим Яковлевич! Что у нас за бардак? Какой-то придурок поставил машину на мое место...

– Ну и что? Тоже мне проблема. Поставил – уберет. Цент, ну что ты пачкаешь мне брюки? – переключился он на таксу. – Я ничего не принес. Завтра получишь свою косточку.

– Цент, фу! – сердилась дама. – Он вас так любит, Вадик, я ничего не могу с этим поделать!

– А я равнодушен к его прелестной хозяйке, – мурлыкнул Вадим Яковлевич и тут же выпрямился. Что-то неприятно кольнуло его. За спиной соседки обнаружился сидящий на скамейке неказистый мужчина, который просверлил Вадима Яковлевича быстрым, прямо-таки рентгеновским взглядом. «Фу, как неприятно. Что это за тип?» – подумал тот, но тут же переключился на Николая, который гундосил про занятое кем-то место. Машина тем временем тронулась и, проехав вдоль дома, покинула двор.

– Ага! Отъехал. И с чего стоял, спрашивается? Никто к нему не вышел. Может, сосед какой новый образовался? Никто в третью парадную не въезжал, вы не в курсе?

– Коля, тебе-то что? Вышел – не вышел, въезжал – не въезжал. Тебе место освободили, ставь свою тачку.

– Я завтра в отпуск уезжаю. Меня две недели не будет. Так этот придурок решит, что это его место. А оно мое! – бубнил Николай.

– Если и завтра эта тачка здесь стоять будет, я разберусь. Так что можешь отдыхать спокойно. Как говорится, спи спокойно, дорогой товарищ. А мы будем стоять на посту. Ну, чего застыл? Паркуй свой драндулет.

Этот тон возымел на Николая благотворное действие, подтверждая рекламный слоган о сотруднике банка, умеющем находить нужный язык с каждым из клиентов. «Форд» заурчал и отъехал от подъезда.

– Вадик, как ты умеешь улаживать конфликты! – Маргарита Сергеевна слегка закатила густо подкрашенные глаза.

– А-а, ерунда! Разве это конфликт? У меня таких каждый день по сотне. Как раз по количеству работников и клиентов, радость моя, – улыбнулся Вадим Яковлевич. И вспомнил, что несколько минут назад что-то неприятно его поразило. Он взглянул на скамейку возле подъезда, но щуплый мужичонка исчез, словно его и не было. Оглянулась и Маргарита Сергеевна. И тоже посмотрела на скамейку.

– Что это за тип там ошивался? – спросил Вадим Яковлевич.

– Не знаю, – пожалла полными плечами дама. В глубоком декольте колыхнулась внушительных размеров грудь.

– Марго, прекрати меня волновать, – сделав страшные глаза, проорчал Климович.

Женщина гортанно хохотнула, усиленно замахала веером.

– Завтра загляну?

– Да, – шепнула в веер дама.

Щуплый мужичонка тем временем вышел на улицу, прошел квартал и сел в поджидавшую его «копейку».

– Все нормально, я его сфотографировал, – проинформировал водителя мужичонка.

– А когда все это...

– Завтра рано утром приеду. У них кодовый замок. Код я уже знаю... Так что завтра поутру...

– Но...

– Все как договорились! Не паникуйте! Решили пугнуть, – значит, пугнем!

«Я вас завтра всех на уши поставлю, – подумал он про себя, – вы у меня на всю жизнь испугаетесь!»

Ранним утром следующего дня Маргарита Сергеевна, сонно шурясь, запахивая легкий плащ, накинутый прямо на ночную рубашку, выводила своего питомца на прогулку. Цент нетерпеливо лаял возле запертой двери подъезда, натягивая поводок. Маргарита споткнулась о лежащий у двери коврик, мокасин слетел с босой ноги. Чертыхаясь, женщина нагнулась, чтобы впихнуть ногу в мягкую кожу, и увидела коробочку, прикрепленную снизу к деревянной панели двери. Коробочка была небольшая, из пластика, серого цвета, с выдавленным кружком посередине. «Что это?» – подумала было женщина. Но думать было некогда: Цент нетерпеливо перебирал лапами, всем своим видом угрожая справить нужду прямо здесь, на коврике. Маргарита Сергеевна выпустила пса на свободу и последовала за ним.

Утренняя прогулка завершалась, женщина уже повернула к подъезду, когда дверь распахнулась и в проеме возник Вадим Яковлевич Климович.

В этот момент раздался грохот, двери подъезда сорвало с петель и подняло в воздух, из подъезда рвануло пламя и густой черный дым. Послышался звон разбитых стекол, чей-то истошный вопль.

Лишь спустя некоторое время Маргарита Сергеевна поняла, что кричит она сама: на асфальте лежал Климович. В глаза бросилась оторванная нога, лежащая отдельно от развороченного тела. Кровь струилась быстрыми, щедрыми ручьями.

Из окон высывались соседи, кто-то возник в разбитом взрывом дверном проеме, кто-то уже подбежал к ней, ее что-то спрашивали, слышался испуганный собачий визг. Маргарита Сергеевна сползла на чьи-то руки.

Меркулов вызвал Турецкого телефонным звонком.

– Через пять минут буду, – отозвался Александр Борисович.

Благо разделяли его с Костей несколько десятков метров коридора в здании на Большой Дмитровке. Эту привилегию – соседство с начальством – Александр заслужил еще в ту пору, когда не являлся «генералом от юстиции», как любил поддразнивать его Грязнов, а был равным среди равных. Ну, может быть, чуть-чуть «равнее». Изолированность старшего советника юстиции от коллег, «прописанных» в здании Следственного управления в Благовещенском переулке, имела неоспоримые преимущества: возможность сосредоточиться в тиши собственного кабинета и присутствие в непосредственной близости самого Константина Дмитриевича, что значительно упрощало решение срочных оперативно-следственных задач.

Александр вошел в приемную заместителя генерального прокурора. За столом восседала неизменная Клавдия Сергеевна.

– Привет, Клавдия!

Турецкий устремился к двери начальства.

– Привет – и все? – осведомилась пышнотелая Цирцея.

Турецкий на ходу обернулся, подмигнул подруге суровых буден. Но подмигнул формально, без чувства, что было отмечено чуткой Клавдией. Она окинула Турецкого обиженным взором и отвернулась.

– Проходи, Александр, присаживайся.

Турецкий пожал протянутую руку, сел напротив начальника, а в миру – друга и соратника Кости Меркулова.

– Саня, ты у нас, кажется, давно заказных убийств не расследовал?

– Ну как сказать... Давно – понятие относительное. А что случилось-то?

– Да тут такая штука... Двенадцатого сентября убит председатель Лицензионной палаты в сфере медицинской и фармакологической деятельности. Некто Вадим Климович. Взорван в подъезде своего дома.

– Да, я в «Новостях» слышал. Это в минувший четверг? И что? Кто расследует?

– Боюсь, что ты. Дело в том, что три недели тому назад аналогичный взрыв едва не прогремел у дверей квартиры другого чиновника от медицины – заместителя директора Института по контролю биопрепаратов, господина Литвинова. Тогда чудом удалось избежать беды. Взрывное устройство было обнаружено самим Литвиновым. Никто не пострадал. Но господин Литвинов направил письмо в адрес Генпрокуратуры, в котором указывает на предполагаемого преступника. И предупреждает о возможности повторных попыток убить его самого или людей, связанных с ним деловыми отношениями.

– А он был связан с этим...

– Климовичем.

– С Климовичем деловыми отношениями?

– Да, они по роду своей профессиональной деятельности пересекались.

– И что? Что он Гекубе? Что ему Гекуба? И что нам за печаль?

– Отец Литвинова какой-то знакомец генерального.

– И что? Мы теперь будем заниматься всеми родственниками и знакомыми кролика?

– Что-о? – Меркулов даже приподнялся из-за стола.

– Это из «Винни Пуха», ты давно не перечитывал детской литературы, – успокоил его Турецкий.

– Ты не забывайся! Мы на службе государственной!

– Но не государевой. Ладно, Костя, не заводишь. Просто время уже прошло. Там три недели. Здесь, с выходными, считай четыре дня. По холодным следам искать... Сам знаешь. Кто там из криминалистов был?

– Из городской прокуратуры. Криминалисты установили, что характер взрывного устройства в обоих случаях почти идентичен. Сегодня я объединяю оба дела в одно производство. Руководитель следственно-оперативной группы – ты.

– А Слава?

– Подключай Грязнова. Естественно. Куда ж вы друг без друга? Звони на Новокузнецкую, получи материалы по обоим делам. Ознакомься...

– Спасибо, товарищ начальник. Ни за что бы не догадался ни позвонить, ни ознакомиться...

– Да что с тобой сегодня? – Костя повысил голос и зашевелил бровями.

– Извини. Что-то я и вправду не в себе маленько.

– Так приди в себя. Все. Я вас, Александр Борисович, больше не задерживаю.

Костя уставился глазами в лежащие на столе бумаги. Александр поднялся и вышел.

Прошел мимо Клавдии, изумленной невниманием к своей особе, прошел длинным коридором, кивком отвечая на приветствия коллег, закрылся в собственном кабинете. На душе было мерзко.

И что это он прицепился к Косте? Почему обижает боевую подругу Клаву холодным равнодушием? И, наконец, отчего его раздражает собственная жена, безупречная Ирина Генриховна?

Невозможно было признаться себе, что виной всему тонкая девочка Настя. Девочка, годящаяся ему в дочери. Которую он не видел с той минуты, когда она вышла из его машины и исчезла за поворотом, взмахнув на прощание рукой в браслетах. Девушка, о которой думал непрестанно вот уже несколько дней.

Через пару часов в кабинете Турецкого появился «важняк» из городской прокуратуры, Томилин.

Они были знакомы, пересекались не раз по разного рода служебным делам. Москва – город маленький. Александр приветливо улыбнулся, поднялся навстречу коллеге.

– Привет, Турецкий! – с некоторой долей не то фамильярности, не то пренебрежения поздоровался гость, пожимая протянутую руку.

Александр помнил, что коллега и соратник отличается некоторым гонором. Да к тому же, видимо, обижен, что дело о взрывах передано в Генпрокуратуру. Что как бы означало несостоятельность городского ведомства. Вот ведь парадокс: казалось бы, снимают с тебя тяжкую ношу расследования возможного «висяка» – так радуйся! Ан нет, лицо следователя – сама холодность и неприступность. Ясно, обижен. Саша и сам был таков. И сам бы обиделся в подобной ситуации. Поэтому попытался разрядить обстановку и принял предложенный тон общения.

– Здорово, Томилин. Садись, дружище. Вот не было у бабы забот, так купила порося. Кому это надо: у опытного следака забирать дело и передавать другому...

– Не менее опытному, – закончил Томилин и слегка улыбнулся.

Лед был растоплен.

– Ладно, мы предполагаем, а там... – Турецкий указал пальцем вверх, – располагают. Давай рассказывай, показывай.

– С чего начать? Ну пожалуй, с данных экспертизы.

«Верно, начинаешь с главного», – отметил про себя Турецкий.

– Так вот, по данным взрывотехнической экспертизы оба взрывных устройства, то есть то, в результате действия которого погиб Климович, и то, что не сработало у дверей квартиры Литвинова, – практически идентичны. В обоих случаях использован пластит одинаковой мощности, в обоих случаях упакованный в пластиковую коробочку. Знаешь, такие коробочки скрывают проводочки обычных дверных звонков. Висят в квартирах.

– А висели?

– Одно – снаружи двери в квартиру Литвинова, на стене лестничной площадки. Другое – на двери в подъезде дома, где проживал Климович.

– Первый взрыв не прогремел, как нам известно. Почему?

– Литвинов эту коробочку обнаружил. И вызвал милицию.

– Кто приезжал?

– Из линейного отдела. Пятьдесят первого. Но когда они приехали, устройство уже было обезврежено.

– Кем?

– Электриком.

– Не понял?

– Вот протокол допроса, ознакомься.

– Ознакомлюсь, конечно. А что это за электрик такой? В двух словах?

– Бывший сапер. Воевал в Афгане.

– Его допрашивали?

– А как же! Сколько нервов стоило – это отдельная песня. Он, видишь ли, контуженый. И заикается так, что ответ на первый вопрос: фамилия, имя, отчество – занял минут пять. Пришлось проводить допрос в письменной форме. Он показал, что, поскольку взрывпакет был снабжен таймером – а соседи подтвердили, что оттуда тикало, – он не стал ждать саперов. Во-первых, потому, что опасался за жизнь людей. Действительно, как оказалось, взрыв был запланирован на девять часов. Во-вторых, он, видите ли, сам сапер. И еще посаперистее, так сказать, других... У него инвалидность по «мозгам». Что с него взять?

– Но разминировал удачно?

– Удачно, удачнее некуда. Все в его «пальчиках». Так все замусолил своими ручищами, что ни хрена там больше не найдешь. Впрочем, тот, кто эту бомбу к стенке приспособил, наверняка в перчатках работал.

– А кто допрашивал этого... Литвинова?

– На которого покушались? Я допрашивал.

– Какое он произвел на тебя впечатление?

– Как тебе сказать... Двоякое. С одной стороны, он был напуган случившимся, что понятно. С другой – тут же указал на возможного преступника. Причем довольно определенно. Даже педалировал.

– И кого же он считает возможным преступником?

– Есть такой доктор – Анатолий Нестеров. Не слышал?

– Бог миловал. Я пока без докторов обхожусь.

– Ну этот тебе вряд ли и понадобится. Ты у нас и так Джеймс Бонд.

– Не понял?

– Нестеров руководит частной клиникой «Возрождение». В этой клинике делают операции по омоложению. Очень модное, но совершенно закрытое заведение. Клиенты – звезды шоу-бизнеса, телемены и телевумены и даже политики. Ты давно нашего бывшего президента по телику не видел?

– Недавно видел.

– И как он тебе?

– Статус пенсионера явно пошел ему на пользу.

– Это статус «Возрождения» пошел ему на пользу.

– То есть?

– Ну да. Прошел там курс лечения. Результат – на лице.

– И зачем такому успешному доктору заниматься уголовщиной? В самом крайнем ее варианте?

– А затем. Со слов Литвинова, Лицензионная палата и Институт по контролю биопрепаратов отозвали лицензию, разрешающую клинике Нестерова заниматься своей деятельностью. А очередь на курс лечения – на полгода вперед. И люди уже проплатили этот курс. Улавливаешь?

– Понятно. Убытки.

– Миллионные. В долларах.

– Так. Ну то, что Лицензионная палата, которой руководил Климович, выдает лицензии, – это понятно. А при чем здесь Институт по контролю биопрепаратов, где Литвинов замдиректора?

– Курс омоложения, разработанный Нестеровым, основан на использовании некоего нового биопрепарата. И институт, где служит Литвинов, выдает разрешительные документы на использование любого биопрепарата.

– И что? Отрабатывали вы этого Нестерова?

– Накануне покушения на Литвинова Нестеров был госпитализирован. Обострение ишемической болезни сердца. Выписался из больницы позавчера, то есть в день гибели Климовича. Персонал подтверждает, что больной Нестеров стен данного богоугодного заведения не покидал в течение всего курса лечения. В том числе и восемнадцатого, и в ночь на девятнадцатое августа. Хотя вообще больных на выходные иногда отпускают домой. Но Нестеров живет один, его не отпускали. И в день смерти Климовича он вообще был на глазах у медперсонала. Его осматривал врач перед выпиской, ему готовили документы выписные. Он до тринадцати часов дня весь как на ладони. Абсолютное алиби.

– Ну вряд ли он сам подложил бомбу. Для этого существуют исполнители. Вы за ним наблюдение установили?

– Да, была наружка. Ничего существенного. В больнице он был изолирован. После выписки ежедневный маршрут однообразен до скуки: дом – работа, работа – дом. Я свою наружку снял в связи с переходом дела в твои руки.

– А что по адресу Климовича? Там свидетели взрыва были? Вообще, поквартирный опрос проводили?

– Свидетели есть. Одна дама выгуливала свою шавку, но от нее толку мало. Мадам в шоке: на ее глазах все и произошло. Поквартирный опрос провести не успели. Там выходные наслоились. Народ на дачи разъехался. А сегодня дело у меня забрали. Так что теперь тебе карты в руки, – повторил Томилин. – Давай, Турецкий, двигай! Теперь тебе твое начальство будет вопросы задавать, а ты будешь перед ним отчитываться, как я сейчас перед тобой.

«Верно, что это я? Чужими руками жар загребать – этого за вами, Александр Борисович, раньше не водилось!» – Турецкий вдавил в пепельницу окурок.

– Верно, дружище! – произнес он вслух. – Извини. Все хочется бежать впереди паровоза. Ладно, оставляй бумаги, будут вопросы – я позвоню. Или подъеду, – добавил он, уловив легкую усмешку, скользнувшую по лицу Томилина.

– Вот. – Томилин пододвинул к Александру лежащую на столе папку. – Здесь протоколы осмотра мест происшествия, протоколы допросов свидетелей, данные экспертиз. Короче, все, что нужно было сделать, все сделано. – И опять лицо его приняло несколько отчужденное выражение.

– Хорошо. Спасибо. И не сердись. Не я себе этот геморрой на задницу придумал.

– Понимаю. Ну, бывай!

Глава 6

Смертельные игрушки

Из протокола допроса Литвинова М. И. (с применением звукозаписи).

Следователь по особо важным делам прокуратуры города Москвы, Томилин С. Н., в своем кабинете с соблюдением требований ст. 157, 158 и 160 УПК РФ допросил в качестве свидетеля по уголовному делу № 139 Литвинова М. И.

В о п р о с. Марат Игоревич, расскажите, пожалуйста, что произошло с вами вчера, девятнадцатого августа, в доме по адресу Староконюшенный переулок, дом девять, квартира тринадцать, где вы проживаете постоянно вместе с женой, Литвиновой Мариной Ильиничной?

О т в е т. Вчера утром я вышел из квартиры на работу и обратил внимание на пластиковую коробочку, висевшую на стене справа от квартиры.

В о п р о с. Как выглядела эта коробочка?

О т в е т. Квадратная, размером где-то десять на десять сантиметров, белый пластик. В центре – кружок, на котором нарисован колокольчик.

В о п р о с. Эта коробочка привлекла ваше внимание?

О т в е т. Ну да. Я на нее наткнулся взглядом, когда направился к лифту.

В о п р о с. В котором часу это было?

О т в е т. В восемь часов пятнадцать минут утра.

В о п р о с. Вы всегда выходите на работу в это время?

О т в е т. Нет, обычно я выхожу на работу позже, в девять. Но в этот день мне нужно было подготовиться к совещанию, и я вышел раньше.

В о п р о с. Вы увидели эту коробочку – и что дальше?

О т в е т. Я подошел, осмотрел ее. Она оказалась похожа на коробку, где прячут электропроводку к дверному звонку. Мне показалось странным, что эта вещь висит возле моей двери, хотя я ее не вешал. Я позвонил соседям, они тоже не вешали эту коробку. Тогда мы решили вызвать электрика из жилконторы. Думали, что это какое-то устройство, ну там... щиток распределительный. Хотя мне лично показалось, что внутри что-то тикает. Как часы. Это меня насторожило. Хотелось выяснить, в чем дело. А наш электрик – бывший сапер, воевал еще в Афганистане. Он и заподозрил, что это взрывное устройство. Собственно, он его и обезвредил. Потом уже милицию вызвали.

В о п р о с. Что значит – обезвредил?

О т в е т. Он приблизился к этой коробке и тоже услышал, что внутри что-то тикает. Он закричал на нас, чтобы мы немедленно закрылись в квартирах и отошли как можно дальше от дверей. Мы его послушались, он, знаете ли, так страшно закричал... Все испугались. Ну вот, потом он снял коробку, вынес ее на улицу, и за домом, там у нас здание на снос стоит, жилы уже выселены, так вот, он эту коробку там вскрыл и обезвредил. А мы милицию вызвали.

В о п р о с. А в какое время начинается рабочий день у электромеханика из ЖЭКа?

О т в е т. В девять утра. Мы позвонили ему домой. Он живет в соседнем доме. И мы всегда звоним ему домой, а не в диспетчерскую, потому что туда не дозвониться.

В о п р о с. Хорошо. Скажите, пожалуйста, раньше вы эту коробку не видели?

О т в е т. Нет. Накануне вечером ее не было.

В о п р о с. Вы уверены?

О т в е т. Да. Дело в том, что накануне, в воскресенье, мы с соседями делали уборку на лестничной клетке. Вернее, приглашали для этого людей.

В о п р о с. Что это за люди?

О т в е т. Это молодожены, молодые ребята. Они живут в нашем же доме, в другом подъезде. И подрабатывают таким образом. Дом у нас старый, коммунальные службы особо не стараются, а в грязи жить не хочется. Эти ребята, Сережа и Наташа, приходят раз в месяц, по воскресеньям, и моют окна, стены, лестницу намыывают. Мы с соседями скидываемся и оплачиваем их работу. Это недорого. Так вот, они были как раз накануне, восемнадцатого, мыли в том числе и стены. Никакой коробки не было. И они не видели, и мы потом принимали работу – ничего такого не было.

В о п р о с. В какое время была закончена уборка?

О т в е т. Около пяти часов вечера.

В о п р о с. А после этого времени кто-нибудь выходил на лестничную площадку?

О т в е т. Мы с женой не выходили. Вообще у нас на площадке два пенсионера живут. В четырнадцатой квартире Александр Степанович. Он вдовец. Одинок. А в пятнадцатой – Вера Григорьевна. У нее дочь с мужем сейчас в загранкомандировке, она тоже одна. Они в основном дома. Но может быть, и выходили в воскресенье вечером. Не знаю.

В о п р о с. Вы хорошо знаете этих ребят, которые убирают ваш подъезд? В какой квартире они проживают?

О т в е т. Они живут в сорок пятой квартире. Но они здесь абсолютно ни при чем! Это прекрасные ребята. Сережа живет в нашем доме с детства. Мы знакомы семьями. Просто молодежь не хочет сидеть не шее родителей. И правильно делает.

В о п р о с. Дверь вашего подъезда закрывается?

О т в е т. Да. Внизу сидит консьержка.

В о п р о с. Вы уверены, что Сережа с женой ни при чем. Может быть, вы предполагаете, кто причастен к этой акции?

О т в е т. Предполагаю. Я неоднократно получал угрозы в устной форме от господина Нестерова. Он обещал разобраться со мной и со всеми, кто ему мешает.

В о п р о с. Расскажите, пожалуйста, подробно, кто этот Нестеров, кто ему мешает и почему.

О т в е т. Это долгая история. Господин Нестеров организовал частную клинику, где проводится курс омолаживающей терапии с применением биологически активной субстанции. Лицензию на эту деятельность выдавала Лицензионная палата. А для того, чтобы получить ее, нужен целый комплект документов от различных ведомств, в том числе необходимо разрешение и от нашего учреждения, так как в работе доктора Нестерова используется, как я уже говорил, некая биологическая субстанция. Мы ему это разрешение два года тому назад дали. Но с тех пор требования к подобного рода биопрепаратам повысились. Господин Нестеров с этим считаться не хотел. Несмотря на наши неоднократные предупреждения о необходимости соответствовать, так сказать. Вместо того чтобы дорабатывать свой препарат, он начал угрожать, что расправится со всеми, кто будет мешать ему работать.

В о п р о с. Прямо так приходил в ваш кабинет и угрожал?

О т в е т. Всякое было. И у меня в кабинете. Тет-а-тет, разумеется. И по телефону.

В о п р о с. Служебному?

О т в е т. Нет, домашнему.

В о п р о с. Вы знакомы домами?

О т в е т. Я знаком с Анатолием Ивановичем Нестеровым со времен учебы в академии имени Сеченова. Он был моим преподавателем.

В о п р о с. И вы полагаете, что он способен на такое преступление? Врач, бывший преподаватель, сеятель разумного и так далее?

О т в е т. Знаете, люди с годами меняются. А деньги, притом большие, способны изменить человека до неузнаваемости. Разве вы таких метаморфоз не наблюдали? Я – сколько угодно.

У Нестерова курс лечения стоит десятки тысяч долларов. И очередь на полгода вперед. Мы запретили ему работать. Он терпит колоссальные убытки.

В о п р о с. А вы не думаете, что взрыв мог быть предназначен кому-либо из ваших соседей?

О т в е т. Кому? Двум одиноким старикам? Зачем?

В о п р о с. Вообще-то вопросы задаю я, смею вам напомнить. Не ходил ли кто-нибудь к вашему одинокому соседу? Он ведь бездетен, так вы сказали?

О т в е т. Да, он живет совершенно уединенно. Моя супруга опекает его. Там, продукты принести, прачечная и так далее. Марина Ильинична водит машину, она не работает, ей это не трудно... Вы, я вижу, как-то скептически воспринимаете мои показания в отношении Нестерова? Напрасно. Но я на них настаиваю. Это мой гражданский долг. Потому что завтра преступление может повториться. И я могу оказаться его жертвой. То, что не удалось один раз, может получиться в следующий. Не со мной, так с кем-нибудь другим...

...Турецкий закрыл папку, заварил кофе, достал пакет с бутербродами. Вот-вот должен был появиться Грязнов, которого он вызвал телефонным звонком сразу после ухода Томилина. И действительно, дверь приотворилась, в проеме возник Вячеслав Иванович собственной персоной.

– Прямо к кофе, – обрадовался Александр. – Давай проходи, нечего косяк подпирать.

– Боже, какой аромат! Распространяется по всем этажам вашего славного ведомства. Где Ирина берет такой кофе?

– Это ты у нее спроси, – отмахнулся Турецкий, разливая кофе по чашечкам.

Грязнов извлек из кармана фляжку. На столе тут же возникли рюмки.

– Тебе в кофе или отдельно?

– Мне, Сашенька, отдельно, я за раздельное питание. Ну-с, что нам нынче ниспослано судьбой? Какой очередной бякой нагрузил тебя досточтимый дон Константин?

– Не меня одного. Не надейся в кустах отлежаться.

– Да уж. С вами не то что не отлежишься, даже не отсидишься.

– Ты не шути. Хирурги вон на себе никогда ничего не показывают.

– Лады, не буду. Давай тяпнем по рюмке и рассказывай, облегчи душу.

Они выпили. Слава принялся за бутерброды, Саша затянулся сигаретой, глотнул кофе и начал:

– Дело, как говорится, в следующем. В течение последнего времени – менее месяца – в нашем славном городе совершаются почти одинаковые покушения на двух чиновников из одной сферы деятельности. Одно из них с летальным исходом, другое...

Турецкий вводил Славу в курс дела, тот шумно глотал обжигающе горячий кофе, кивал.

– ...Таким образом, на сегодня в нашем распоряжении один труп и один, как бы это выразиться...

– Несостоявшийся труп, – подсказал Грязнов.

– Вот именно. И этот «несостоявшийся» приходится каким-то кумом или сватом, или сыном свата нашему Генеральному.

– Что обеспечивает нам пристальный контроль со стороны начальства.

– Это точно. Я без тебя прочитал протокол допроса этого Литвинова. Какая-то дурацкая история.

– То есть?

– Ну представь: мужик выходит утром из квартиры, видит на стенке незапланированную коробку, вызывает техника из ЖЭКа, а тот тут же хват ее – и давай обезвреживать. Что там было в этой коробке – это курам на смех. Пластид, запальное устройство, таймер в виде маленького будильничка. Взрыв был запрограммирован на девять утра. То есть наш взрывник, видимо, весьма стеснен в средствах, раз прибегнул к такому доморощенному типу взрывателя.

– Или не является строгим профи в этом деле.

– Возможно. Так вот, этот электротехник из ЖЭКа все перешерудил, пальцами своими измазал. Нет, ну где ты видел работников коммунальных служб, которые обезвреживают взрывные устройства?

– Я таких не видел, – признался Грязнов.

– А они есть! Почитай его показания свидетельские, – Турецкий протянул Вячеславу папку. – Джеймс Бонд мамин! Не навоевался в Афгане!

Слава зашелестел бумагами.

– Ха! Так здесь и справка медицинская к делу приобщена. Он еще и контуженный. Состоит на учете в психдиспансере!

– Вот именно! И спрос с него как с дитяти малого.

– Ну хорошо. А другой взрыв? Тот, что привел к «летательному» исходу? Там тоже будильник?

– Нет, там радиоуправляемое устройство. В качестве динамика использован радиопейджер. Взрыв произошел в момент, когда был набран соответствующий номер.

– То есть кто-то должен был видеть выходящую из дома жертву и «позвонить на бомбу»?

– Да.

– Соседей погибшего допрашивали?

– Да. Свидетельницей взрыва была одна женщина. Она выгуливала собаку. Томилин от нее ничего не добился. Но подробный поквартирный опрос еще не провели. Лето, отпуска, у Томилина народу мало. А там еще выходные наслоились.

– А что свидетельские показания?

– Самого Литвинова вот, возьми, почитай. Я пока с его женой разберусь.

Турецкий протянул Славе скрепленные степлером листки, два других пододвинул к себе.

– Ты сначала со своей разберись, – промышчал вполголоса Слава, водружая на нос очки. Александр сделал вид, что не расслышал.

Из протокола допроса Литвиновой М. И. (с применением звукозаписи).

В о п р о с. Марина Ильинична, расскажите, пожалуйста, что произошло в вашем доме девятнадцатого августа?

О т в е т. В то утро я провожала мужа на работу. Он вышел из квартиры, я закрыла за ним дверь. Вдруг он звонит, еще и минуты не прошло. Я думала, забыл что-нибудь. Открываю. Марат говорит: Мариша, мол, что это у нас за коробка висит? Где, спрашиваю. А он – за дверью. Я выхожу на площадку, вижу: слева от двери висит пластиковая коробочка.

В о п р о с. С какой стороны? Уточните, пожалуйста.

О т в е т. Слева. То есть если смотреть из квартиры, то справа. А если с площадки – то слева.

В о п р о с. Что было дальше?

О т в е т. Марат позвонил соседям. У нас еще две квартиры на площадке. Вышли соседи, Вера Григорьевна из пятнадцатой квартиры и Александр Степанович из четырнадцатой. Они тоже в недоумении: никто эту коробку не вешал. Тогда Марат позвонил электрику.

В о п р о с. А почему ваш супруг так заинтересовался этой коробкой? Что в ней особенного?

О т в е т. Что вы говорите такое, товарищ следователь?! Там же взрывчатка оказалась!

В о п р о с. Ваш супруг знал, что в коробке окажется взрывчатка?

О т в е т. Нет, конечно! Господь с вами! Но он... нервничал и ожидал чего-нибудь подобного. Его преследовали, ему угрожали. И потом, он услышал, что там, внутри, будто часы работали. Поэтому он проявил вполне понятную осторожность, может быть, даже подозрительность, которая в конечном счете спасла ему жизнь! А вы говорите!

В о п р о с. Я ничего не говорю. Я задаю вопросы. Откуда вам известно, что Марату Игоревичу угрожали?

О т в е т. Он мне сам рассказывал! И потом, нам звонили домой. Мужской голос. Часто трубку брала я и слышала эти угрозы. Звонки были почти ежедневными. Вернее, еженощными. Последний месяц почти каждую ночь, в три часа, как по будильнику.

В о п р о с. И что за звонки? Кто и что говорил?

О т в е т. Звонил мужской голос. И всегда одна и та же фраза: «Я тебя, Литвинов, в порошок сотру». Я очень хорошо помню эти слова.

В о п р о с. А что отвечал муж?

О т в е т. Ну... что его запугать не удастся. Что он выполняет свои служебные обязанности. И будет выполнять их впредь. Но он очень нервничал после этих звонков. Расстраивался. Очень, знаете ли, больно разочаровываться в людях. Тем более в тех, кого раньше уважал, перед кем испытывал пиетет.

В о п р о с. Вам известно, кто угрожал Марату Игоревичу?

О т в е т. Конечно, он всем этим со мной делился. Я его жена, это естественно. Ему угрожал Анатолий Иванович Нестеров. Это бывший преподаватель Марата, еще по институту. Это он обещал расправиться с Маратом! *(Всхлипывает.)*

В о п р о с. Не плачьте, пожалуйста, Марина Ильинична. Выпейте воды. Вот так. Скажите, вы лично знакомы с Анатолием Ивановичем Нестеровым?

О т в е т. Да, знакома. Мы встречались несколько раз на всяких официальных мероприятиях. Конференции, симпозиумы. После завершения работы обычно бывают банкеты. Марат всегда брал меня с собой. Я видела Нестерова. И голос его слышала. У него характерный такой голос, резкий. Так что по телефону я его узнавала. У меня болит сердце! Я так переволновалась за эти дни! Что вас еще интересует?

В о п р о с. Мы закончили. Распишитесь, пожалуйста, на каждом листке. И вот здесь, что с ваших слов записано верно. Ну вот и все. Спасибо.

Турецкий подошел к окну, глядя на спящих внизу людей. Какой-то неведомый антициклон прочно завис над Москвой, прожаривая столицу яркими солнечными лучами, создавая ощущение затянувшегося лета. «А лето – это маленькая жизнь», – как поется в одной симпатичной песенке. Вон сколько там, в мирной жизни под окном, прелестных женщин в легких разноцветных одеждах. Только у тебя, Турецкий, что зима, что лето – все одним цветом. Темно-серым. Преступление и наказание. Ладно, не ной! Как шутит кто-то из тех же бардов: взялся за грудь – говори что-нибудь!

– Надо бы на этого Литвинова посмотреть своими глазами. Да и с самим доктором Нестеровым тоже интересно увидеться.

Александр повернулся к Грязнову, который все изучал документы в папке по делу о взрывах.

– А почему тебя в первую очередь не интересует погибший Климович?

– Он меня, безусловно, тоже интересует. Но он нам, к сожалению, уже ничего не скажет. А у Литвинова есть конкретные подозрения. От этого отмахиваться нельзя. Что же касается Климовича, направь туда своих оперативников, пусть прочешут все квартиры в доме погибшего и в близлежащих домах тоже. Время взрыва не такое уж раннее. Восемь утра – люди на работу идут. Кто-то мог во дворе находиться, да и из окон могли что-либо видеть. Надо порасспрашивать, поговорить со свидетелями покушения на Литвинова. А сам, пожалуй, съезжу к этому господину домой, познакомлюсь. И попытаю его по поводу Нестерова. Вот сейчас и позвоним болезному.

Саша отыскал в деле нужный телефон, набрал номер.

– Але, вас слушают, говорите, – раздался дежурно-любезный женский голос.

– Добрый день. Девушка, могу я связаться с Маратом Игоревичем?

– Здравствуйте. Кто его спрашивает?

Турецкий представился.

– Одну минуту. Я доложу. – Саша прямо-таки увидел, как секретарша «подобралась». Никакой дежурной любезности. Сплошная официальность.

Возникла пауза. Турецкий подмигнул Вячеславу. Тот понял мимику друга по-своему и налил в рюмки коньяк.

– Марат Игоревич? Здравствуйте. Вас беспокоит Турецкий Александр Борисович. Старший следователь Генеральной прокуратуры.

– Да-да, мне доложили. Здравствуйте, Александр Борисович. Чем могу служить, так сказать? – ответил довольно густой баритон.

– Хотелось бы встретиться с вами.

– Пожалуйста. Я очень рад, что Генеральная прокуратура обратила внимание на мое письмо. Тем более что мои опасения подтвердились самым ужасным образом. Мне к вам подъехать?

– Пожалуй, лучше я к вам. Чтобы спокойно побеседовать. Обстоятельно, так сказать. Чтобы никто не мешал.

– О, тогда нам лучше увидаться после окончания рабочего дня. А то у меня здесь телефон трещит без умолку, будут отвлекать. Давайте в восемнадцать?

Александр как бы на минуту задумался, зашелестел бумагами.

– Видите ли, в восемнадцать часов я буду по делам в районе Арбата, освобожусь где-то в восемнадцать тридцать. Знаете что, я мог бы заехать к вам домой. Вы ведь там рядом.

– Что ж, пожалуйста, буду рад, – с секундной паузой откликнулся собеседник. – Мы можем поужинать вместе. Жена будет рада.

– Вот это совершенно излишне, – сухо прервал его Турецкий. – Убедительно прошу вас ничего такого не затевать.

– Хорошо, хорошо, – испугался голос. – Значит, в половине седьмого вечера?

– Да. До встречи.

Саша дал отбой.

– Ну что, Сашенька? Отказался от жареной кугочки? Под хогоший агмянский коньячок? – прогнусавил Грязнов.

– У следователя, Вячеслав, голова должна быть ясной, руки чистыми...

– Это у чекиста, ты все перепутал.

– В данном случае неважно. А важно то, что у нас осталось еще по рюмочке своего, не менее хорошего. Давай тяпнем. Я горю желанием посмотреть на господина Литвинова. И его жену, которая, как было обещано, будет мне очень рада.

– Ты там не переусердствуй с женой-то.

– И в мыслях такого нет. Есть, Слава, время обнимать, и есть время уклоняться от объятий, – пафосно произнес Турецкий.

– Что это ты, батенька? Никак Екклесиаста цитируешь? С чего бы это?

– Надо знать и помнить должное, Слава! – не сбавляя пафосности, откликнулся Турецкий. – Ибо храбрость без знания должного превращается в безрассудство.

– Э, ты поосторожней в словах-то, – как бы перепугался Грязнов.

– А осторожность без знания должного превращается в трусость.

– Это ты о ком, я что-то не понял? То есть понятно, что не обо мне, тогда о ком?

– А прямотушие без знания должного превращается в грубость, Славочка! Так сказал великий Конфуций. Лучше не скажешь, так что давай лучше выпьем.

– М-да... Давненько я за тобой такого не наблюдал, – покачал головой Грязнов, внимательно разглядывая друга.

Они выпили, взяли по последнему бутерброду. Слава все разглядывал друга.

– И не тарачись на меня. – Александр вдруг почувствовал, что краснеет, чего не водилось за ним лет сто. Он тряхнул головой, словно отгоняя некое наваждение, и уже другим, деловым тоном произнес: – Ну, у меня сегодня Литвинов. Время до вечера есть, займусь сбором информации по доктору Нестерову. Интересно будет сопоставить с мнением Литвинова о кровожадном Пигмалионе.

– Почему – Пигмалионе?

– Так Нестеров творит своих пациентов, как Пигмалион Галатею. А ты, Слава, со своими орлами займись Климовичем.

На том и расстались.

Глава 7

Теория относительности

Турецкий подъехал к Литвинову за десять минут до назначенного времени. Припарковался во дворе дома сталинских времен. Отыскал нужный подъезд. Тринадцатая квартира – это пятый этаж. Предпоследний. Александр вошел в подъезд. Часть помещения была отгорожена под каморку консьержки. Наполовину застекленная передняя стена. За ней – молодая женщина с телефонной трубкой в руке. На вошедшего – беглый равнодушный взгляд. Александр двинулся к лифту.

- Вы к кому? – в спину ему крикнула женщина.
- Я в...цатую, – невнятно произнес Турецкий, продолжая движение.
- В какую? – переспросила дежурная.

Но Саша уже скрылся в кабине лифта. Вот так. Пройти ничего не стоит. Гипотетический взрывник мог также запросто проникнуть в подъезд. Если с восемнадцатого на девятнадцатое августа дежурила эта милая барышня. Он вышел из лифта этажом ниже и поднялся на пятый. Итак, квартира тринадцать находится на площадке слева. Шахта лифта – в середине площадки. Широкая лестница окружает ее лентой. Саша подошел к квартире. Коробочка с пластиком висела слева от квартиры, если смотреть с лестничной площадки, – таковы показания жены Литвинова. Справа от двери узкий простенок, далее под прямым углом другая стена с дверью в четырнадцатую квартиру. Это в ту, где проживает одинокий старичок. Турецкий попробовал повторить путь Литвинова. Вот я вышел из квартиры, направился к лифту. Но взрывное устройство остается сзади. Наткнуться на него взглядом, как утверждал на допросе Литвинов, затруднительно. Для этого нужно по крайней мере обернуться. Он и обернулся, чтобы закрыть дверь. Но из протокола следует, что дверь за супругом закрывала Литвинова. Как следует из материалов дела, коробка висела над звонком, довольно высоко. Нужно было глаза на нее поднять, что ли?

Ладно, пока что просто интересно. Саша нажал на кнопку звонка. Послышалась мелодичная трель и тяжелая мужская поступь. Дверь распахнулась. Литвинов оказался полноватым рослым брюнетом.

– Александр Борисович? Милости прошу. – Он отступил, пропуская гостя в просторную прихожую.

Шкафы с витражами, настенные светильники, столик со стеклянной столешницей, рядом удобное, глубокое кресло. Все это выглядело весьма респектабельно.

– Добрый вечер, Марат Игоревич, – улыбнулся Турецкий, протягивая руку.

Ладонь Литвинова оказалась слегка влажной. Волнуется? Впрочем, это естественно. Почему-то все люди волнуются, сталкиваясь с представителями, так сказать, законности. «Так сказать», потому что на соблюдение этой самой законности в основном не рассчитывают, подумал Турецкий, следуя за хозяином по начищенному до блеска дорожному дубовому паркету.

– Нам сюда. – Марат Игоревич открыл небольшую, в приглушенных тонах комнату. – Это мой кабинет, здесь нам будет удобно.

Обширный письменный стол, явно из какого-нибудь антикварного магазина, оттуда же и настольная лампа под зеленым абажуром, и массивные каминные часы. Ноутбук одной из последних моделей. Кожаный диван, маленький столик с двумя креслами. Стеллаж с книгами, бар в виде квадратной этажерки. Коньяк, виски, джин, сок. Александр подумал, что обстановка тянет на пристанище маститого академика. Впрочем, академики нынче вряд ли так процветают. Скорее, жилище средней руки «нового русского». Хозяин словно прочел его мысли.

– Прошу вас, присаживайтесь. Это моя берлога. – Он широким жестом обвел комнату. – Здесь я отдыхаю и работаю. Сейчас заканчиваю докторскую. Материал давным-давно собран, но все некогда сесть и оформить работу. Текучка. Заместитель директора по научной работе – это, как говорили совсем недавно, прораб перестройки. Директор у нас человек преклонных лет, довольно часто не здоров, так что со всеми вопросами, от сломанного унитаза, прошу прощения за прозу жизни, до организации конференций, симпозиумов, подписания договоров, – со всем этим сотрудники бегут ко мне. Приходится решать кучу проблем, зачастую очень прозаических, далеких от науки.

– Но, видимо, работа эта неплохо оплачивается? – Александр опустился в кресло.

– Да, слава богу, на кусок хлеба зарабатываем. Причем сами, не ждем милостей от государства. Получили наконец право на достойную оплату своего труда. Вот, смогли с женой квартиру отремонтировать – она нам от родителей Марины досталась – и обставить по вкусу. А то помните шутку советских времен? Жена говорит мужу: «Вот мы с тобой умрем, и никто не узнает, какой у нас вкус». Помните эти одинаковые мебельные стенки, обыгранные Рязановым в ежегодно-новогоднем «С легким паром»?

– Помню, конечно. А в чем состоит труд, который теперь успешно оплачивается? Расскажите, пожалуйста, чем занимается ваш институт?

– Мы контролируем все биологические препараты, которые разрабатываются в нашей стране. То есть диагностические тесты, вакцины, иммунные гаммаглобулины, анатоксины и так далее. Все биологическое – живое или убитое, – прежде чем дойти до человека, проходит у нас тщательный контроль и апробацию. И только потом – путевку в жизнь. Если, разумеется, результаты положительные.

– Что ж, замечательно, что государство достойно оплачивает достойный труд.

– Нет, мы на общей тарифной сетке, как и все бюджетники. Просто еще при предыдущем министре здравоохранения получили разрешение заключать договора на проведение своей работы с достойной оплатой этой работы. Ну вот пример: для получения водительских прав, вы ведь платите в ГАИ, чтобы сдать экзамен, так? Нечто подобное и у нас.

«И чем больше раз сдаешь, тем больше плата „за проезд“. Потому никто с первого раза и не сдает», – подумал про себя Турецкий.

– Я вас заговорил! Хотите выпить?

– Нет, благодарю. Во-первых, я за рулем, а во-вторых, у нас с вами деловая встреча.

– Да-да. Но от чашечки кофе не откажетесь?

– Не откажусь.

– Мариша, принеси нам кофе, дорогая! – крикнул в дверь Литвинов.

Из глубины коридора тут же послышались шаги, словно невидимая Мариша стояла наготове, как часовой на границе. Молодая, но очень некрасивая женщина в очках вкатил в кабинет столик. Единственным ее украшением были густые светлые волосы, собранные в прическу. Но и они не могли скрыть слишком широкий нос и очень полные, словно вывороченные губы.

На столике уютно разместились хромированный кофейник, две белоснежные чашечки, столь же ослепительно белые десертные тарелочки, молочник со сливками, сахарница, тарелка с крошечными бутербродами-канапе. Сырокопченая колбаска, икорка, севрюжка – все это было отмечено Турецким. М-да, готовился товарищ! Что ж, это предполагалось, посему перед визитом к Литвинову Турецкий заехал в кафе и перекусил.

– Вот, Мариша, знакомься.

Александр Борисович поднялся навстречу хозяйке дома.

– Это Александр Борисович Турецкий. Из Генеральной прокуратуры. Простите, какая у вас должность? Следовательно по... чему?

– По особо важным делам. Госсюветник юстиции третьего класса.

– Это что же за звание, если перевести? Подполковник?

- Нет. Если перевести на армейские чины, генерал-майор.
- О! Мариша, видишь, какие у нас люди в доме! Моя супруга и помощница во всех делах
- Марина Ильинична.

Женщина улыбнулась одними губами. Светло-серые глаза за стеклами очков смотрели настороженно.

«Это же надо быть столь совершенно некрасивой», – с сочувствием подумал Саша.

- Очень рад, – вслух произнес он.

Женщина разлила кофе.

- Спасибо, Мариночка, – ласково поблагодарил Литвинов.

Женщина молча удалилась.

- Ну-с, продолжим? – Литвинов пододвинул тяжелую пепельницу из темно-зеленого, почти черного нефрита. – Можете курить, если желаете.

– Спасибо, пока не хочется. Марат Игоревич, после взрыва, который унес жизнь Вадима Яковлевича Климовича, руководство Генпрокуратуры поручило оперативно-следственной группе, которой я руковожу, расследование обоих покушений.

– Да, это такой ужас, что погиб Вадим Яковлевич! Мы часто пересекались по служебным делам. Это был исключительно порядочный человек! Такая потеря! Вот видите, я не зря опасался чего-либо подобного! Надеюсь, теперь, когда следствие в столь квалифицированных руках, преступники будут найдены и наказаны по заслугам.

- Я читал ваши показания. Вы считаете, что взрыв, или взрывы, мог организовать...

- Боюсь, что я не ошибусь, если назову Анатолия Ивановича Нестерова.

- Откуда такая уверенность?

- Ну как же! Я же говорил следователю, который вел дело до вас, как его...

- Томилину.

– Да, я говорил товарищу Томилину, что Нестеров неоднократно угрожал мне. И в моем кабинете служебном, и по телефону.

- Расскажите, пожалуйста, еще раз. Чем занимается Нестеров? Почему он вам угрожал?

– Клиника Нестерова занимается операциями по омоложению. Методика, которую он использует, основана на применении эмбриональной ткани. Это достаточно новый метод. Новый в нашей стране. Вместо привычных уже пластических операций пациенту вводят экстракт эмбриональных клеток человека. Ну... как бы вливают свежую кровь. Эффект, как правило, положительный.

- А откуда берется этот самый экстракт?

– Правильный вопрос. – Литвинов благосклонно кивнул, словно учитель усердному ученику. – Экстракт получают из абортного материала. Вот здесь-то мы и столкнулись с Нестеровым лбами. Видите ли, все, что вводится человеку, должно быть строго регламентировано по очень многим показателям. Иначе возможны непредсказуемые последствия. Ткани, которые получает Нестеров для своих операций, невозможно отконтролировать по всем нужным параметрам. Все материалы различны, так же как все дети рождаются разными. И мало ли что... А вдруг через десять лет у пациента, прошедшего курс лечения у Анатолия Ивановича, обнаружится опухоль или медленная инфекция, приводящая к летальному исходу? Или болезнь Паркинсона или Альцгеймера?

- А у людей, не лечившихся у Нестерова, такие заболевания невозможны?

– Возможны, конечно. Но зачем же устраивать их своими руками? То есть нашими? Если мы даем разрешение на использование препарата, мы несем за это ответственность.

- Но, насколько мне известно, ваш институт уже давал Нестерову разрешение?

– Да, это было два года назад. И под сильным давлением одного очень влиятельного человека.

- Вот как? То есть разрешение можно получить под давлением? – вцепился Александр.

– Нет, я неправильно выразился. – Литвинов поставил чашечку на стол, достал сигаретницу. – Вы не возражаете, я закурю?

– Нет, конечно. Я и сам уже созрел. Так что охотно присоединюсь, если вы не возражаете. Александр достал свою пачку, жестом отказавшись от предложенных хозяином сигарет.

– Так как вы хотели выразиться?

– Дело в том, что два года назад, когда Нестеров внедрял свой метод, не было каких-либо сведений, порочащих его детище. И действительно, внедрение препарата педалировалось через очень известного человека. Мы не могли не дать добро на разработку Нестерова. Не было оснований.

– А теперь они появились?

– Да! Наука не стоит на месте. За рубежом, где этот метод применяется пару десятков лет, появились публикации о возможных отдаленных последствиях. Вот например, Рональд Рейган делал себе подобную операцию. И что мы видим теперь? В каком он состоянии, знаете? Словно годовалое дитя. Болезнь Альцгеймера. А главная заповедь врача – не навреди! Основной принцип внедрения нового препарата – безопасность! А потом уже эффективность.

– И вы запретили Нестерову работать?

– Мы каждый год проводим контроль серий препарата, который выпускает и использует Анатолий Иванович. В этом году требования ужесточились. Мы сообщили об этом в Лицензионную палату с сопроводительным письмом, в котором обосновываем необходимость доработки препарата Нестерова. Лицензионная палата отозвала лицензию, разрешающую этот вид деятельности. Так что окончательное решение принимала Лицензионная палата.

– И что последовало дальше?

– Нестеров как с цепи сорвался. Прибежал ко мне в кабинет. Кричал, что, дескать, в порошок сотрет. И меня, и Климовича. Все эти угрозы повторялись в течение двух месяцев. И вот видите...

– Он вообще неуравновешенный человек, этот Нестеров?

– Да, в общем-то, слишком спокойным его не назовешь.

– Вы знаете, что накануне того дня, когда вы обнаружили взрывчатку, он попал в больницу по «скорой»?

– Ну и что? – Литвинов на секунду смешался, сделал глоток кофе и продолжил: – Во-первых, он действительно мог нервничать, замышляя убийство. И не сам же он его готовил! Смешно. Сейчас человека убрать ничего не стоит. Вернее, стоит очень дешево. Бомжа можно нанять. Стукнут по голове – и конец.

– Действительно, а что же было не нанять? – как бы про себя осведомился Турецкий.

– Вы меня спрашиваете? – взвился вдруг Литвинов. – Почему я живой перед вами? Ну извините, что не убили! Может, с трупами легче разбираться. Труп уже ничего не скажет! Можно свою версию сочинить!

Александр внимательно смотрел на Литвинова, выдавшего «свечку».

– Это вы извините, я не хотел вас обидеть! – миролюбиво промолвил он. – Просто вы человек умный, я пытаюсь вместе с вами рассуждать, – глядя на гладкую поверхность стола, продолжил он. – Я не понимаю вот чего: зачем Нестерову идти на убийство? Что уж он, такой уголовник потенциальный? Ведь если два года тому назад некто очень-очень влиятельный помог ему открыть свою клинику, то почему же этот «некто» не помог ему еще раз, два года спустя?

– Потому что этот человек уже прошел курс лечения у Нестерова. Ему лет на десять хватит, а больше и не надо – столько не живут. А сделанная услуга ничего не стоит, вы разве не знаете? И потом: это он два года тому назад был очень-очень влиятельным. А теперь уже не очень-очень, понимаете? И что вы думаете, заказ на убийство только уголовники дают? А как жены добропорядочные мужей заказывают? И наоборот? А партнеры по бизнесу? Вы разве не

знаете, как это бывает? Приличные люди заказывают других приличных людей! – Литвинов почти кричал.

Турецкий вскинул глаза. На лице хозяина выступили красные пятна. В комнату влетела Марина Ильинична.

– Марат, еще кофе подать? – страдальческим голосом спросила она.

– Нет, Мариша, спасибо, – глухо ответил Литвинов.

– А вам? – Женщина перевела взгляд на Турецкого. Глаза чернели дулами артиллерийских орудий.

– Нет-нет. Мы закончили.

Турецкий поднялся.

– Благодарю вас за беседу, Марат Игоревич. А вас, Марина Ильинична, за превосходный кофе. Если в ходе следствия у меня возникнут еще какие-либо вопросы, надеюсь, вы не откажетесь на них ответить. Возможно, в ближайшие дни вас побеспокоят наши оперативники и следователи, мало ли что нужно будет уточнить, так что заранее прошу извинить за беспокойство. В наших общих интересах скорее выявить и обезвредить преступника. Или преступников.

Марина Ильинична неожиданно всхлипнула.

– Боже мой, когда же это кончится! – сквозь слезы простонала она.

– Мариша, я прошу тебя! – вскричал Литвинов, обнимая жену.

– Нет, подожди, Марат! – Женщина вырвалась и приблизилась к Турецкому.

«Сейчас укусит», – испугался было Александр.

– Сколько нас будут мучить?! – прокричала Марина ему в лицо. – Сначала два месяца угроз, шантажа, телефонных пыток! Он звонил нам днем, по ночам. Почти каждую ночь, в три часа – я время запомнила! Потому что это изо дня в день повторялось! И всегда одна и та же фраза: «Я тебя, Литвинов, в порошок сотру!» От него не было покоя. Марат ходил весь издерганный! Потом мы обнаружили эту коробку, а следователь, который был до вас, он все это рассматривал как чью-то шутку неудачную! Он ничего не принял всерьез! Марату даже охрану не предложили! Мы написали в Генпрокуратуру, и опять ничего – как в вату! Пока не убили человека, никто не шелохнулся! А этим человеком мог быть Марат! Если бы его убили, я бы... со мной бы... – Женщина разрыдалась, уткнувшись в грудь мужа.

– Тише, Мариша, успокойся.

– Марина Ильинична, я понимаю вашу тревогу за мужа и уверяю вас, что будет сделано все, чтобы разобраться в этом деле и наказать виновных. Это я вам обещаю, – твердо произнес Турецкий и вышел в прихожую.

– Я вас провожу, – воскликнул Литвинов, усадив жену на диван и выходя вслед за Турецким. – Вы ее, пожалуйста, извините. Она вся извелась за это время.

– Я понимаю, – кивнул Александр. – Извините и вы меня. Работа у меня такая. Приходится иногда наступать на больные мозоли.

Уже выйдя из квартиры, Турецкий спросил у стоящего в дверях Литвинова:

– Так где же висело это взрывное устройство?

– Вот здесь, справа. – Литвинов поднял руку, указал на бледное меловое пятно на стене.

– Справа от кого? – чуть улыбнулся Турецкий.

– От меня.

– А от меня получается слева! Вот она, теория относительности в действии! – Турецкий еще раз улыбнулся и исчез в кабине лифта.

Бороздя просторы московских проспектов, Саша думал о Литвинове. Что ж, визит удался. Что уяснил для себя Александр? Литвинов беспринципен: то выдает разрешение на работу, то не выдает и нервничает, когда его в этом уличают. А может быть, и продажен. Обста-

новочка в квартире говорит сама за себя. Надо будет побывать в институте. Благо это рядом, Сивцев Вражек. Дальше. Литвинов уверен, что убийца – Нестеров. Или желает убедить в этом Турецкого. Вон какую тираду выдал про заказные убийства. Получается, что каждый может убить каждого. В жизни что-то такого пока не наблюдается. К счастью. Вообще производит впечатление человека неискреннего, что-то скрывающего.

Вот кто понравился Турецкому, так это жена Литвинова, некрасивая Марина Ильинична. Она была совершенно искренна. И мужа своего любит без памяти, это видно невооруженным глазом. Впрочем, при такой ужасающей некрасивости единственная возможность удерживать красавца мужа (а Литвинов, пожалуй, красавец – в опереточном варианте) – это безусловная и бесконечная преданность.

...А у тебя, Турецкий, жена красавица и умница. И тоже бесконечно тебе предана... И куда ты сейчас направляешься? Домой? Нет. Может быть, по служебным делам? К предполагаемому преступнику Нестерову? Тоже нет. Нестеров от правосудия не скрывается. Оставим его на завтра. Вот его-то интересно посмотреть на рабочем месте. Что там за ужасы такие с эмбрионами, прости Господи! Так куда же направляешь ты своего усталого коня, амигос? Уже вечер. Но еще не ночь. Время свиданий...

Так разговаривал сам с собою Александр, боясь признаться, что волнуется как юноша. Ибо он действительно направлялся на свидание. С девушкой Настей.

Глава 8

Девушка-видение

Конечно, он не пошел в ее дурацкий бар. Честно говоря, не хотелось видеть ее в каком-нибудь нелепом наряде официантки, видеть, как заигрывают с ней клиенты, а может быть, запросто и незамысловато похлопывают по аккуратной, круглой попке. А она еще, не дай бог, смеется в ответ. Турецкому не хотелось разрушать очарования, которое вызвала в нем эта девушка. То ли девушка, а то ли виденье. Обернувшись на повороте и махнувшая ему тонкой рукой.

«Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я», – мурлыкал вполголоса Турецкий, объезжая стороной наметившееся было ДТП в одном из закоулков, приближающих его к месту свидания.

Он разыскал ее. Еще в день знакомства нашел телефон факультета, заболтал секретаршу, выяснил, у кого из студенток филфака задолженность по истории искусств. Как фамилия? Вересова? Фамилия и имя известны, дальше уже просто. Есть база данных на всех, проживающих в столице. К своим обращаться не хотелось. Он попросил «вычислить» гражданку Вересову Анастасию старшего опера МУРа, Василия Колобова. Мужик свой в доску. Разумеется, Колобову была предложена легенда, согласно которой Анастасия разыскивалась как свидетель по одному из текущих дел. Разумеется, Василий ее отыскал. Уже через сутки Турецкий знал, что Настя родом из Твери. Что данная гражданка проживает в районе метро «Кропоткинская», где снимает вдвоем с подругой однокомнатную квартиру в одном из переулков Пречистенки. Там же временно прописана. Был известен и номер телефона. Турецкий держался больше недели. Но она все не шла из головы, эта девочка-видение. И он решил, что лучше увидиться и избавиться от наваждения. Или...

Он позвонил, она согласилась на встречу. Дальше он не думал. Просто, подъезжая к станции метро, где они должны были встретиться, почувствовал, как колотится сердце. Как тогда, когда она почти исчезла за поворотом и он испугался, что она не обернется.

...– Добрый день, Настя!

– Ой, а я вас не увидела! Здравствуйте.

– Это вам, – он протянул ей чайную розу.

– Спаси-и-бо, – протяжно ответила она, и лицо ее порозовело, озарилось улыбкой. – Какая красивая! Знаете, я очень-очень люблю цветы.

Да, она была очень мила, эта девушка. Теперь, когда он видел ее прямо перед собой, а не в профиль, как тогда, когда подвозил на экзамен, она оказалась еще прелестнее, чем подсказывала ему память. Темно-карие, почти черные глаза, блестящие крупные кольца кудрей. И овал лица... Такой, как... Как у кого? Как у рафаэлевской Мадонны! Ярко очерченный небольшой рот. И все это очень живое, подвижное. Взгляд любопытный и доверчивый одновременно. И одета очень симпатично. Светлые брючки, темно-лиловый топик, открывающий чуть выступающие ключицы и едва заметную ложбинку на груди, легкий светлый пиджачок переброшен через локоть. Лиловые туфельки и сумочка в тон.

Александр глубоко вздохнул, с некоторым трудом продолжил разговор.

– Ну-с, как переэкзаменовка?

– Все нормально, сдала! А что же вы не пришли к нам в бар? Я ведь вас приглашала.

– Решил, что будет лучше, если с приглашения начну я.

– Вы думаете, это даст вам преимущество? – Она стрельнула в него черным глазом.

– Хотелось бы надеяться, – смиренно произнес Турецкий.

– А как вы меня разыскали? – перевела разговор Настасья.

– О, тайна сия велика есть. Еще не время ее разглашать. Предлагаю переместиться в мой драндулет. Я приглашаю вас в некое уютное и довольно забавное заведение. Куда пускают девочек до шестнадцати. Но только тех, которые сдали все экзамены. У вас теперь нет хвостов? Кроме хвоста поклонников, разумеется?

Настя рассмеялась. Кудряшки запрыгали вокруг головы.

– Я нынче бесхвостая. И сгораю от любопытства. Что это за местечко?

– Там мы обо всем и побеседуем.

Он усадил девушку в машину, припаркованную за углом. Они тронулись в путь.

Турецкий долго думал, куда же пригласить барышню, знакомую с искусством северного Возрождения, почитательницу древних мудрецов вообще и Конфуция – в частности.

«Узбекистан» отпадал начисто. Турецкий вовсе не боялся, что его застукают с незнакомой девушкой (мало ли с кем ему приходилось обедать), просто... не тот стиль. Вести в какой-нибудь другой, более шикарный ресторан тоже пока не хотелось. Не из скупости, разумеется. Не хотелось смущать ее, она могла почувствовать себя обязанной, что ли. Почему-то ему казалось, что он чувствует ее, предугадывает ее реакцию. Но, конечно, он мог ошибиться. Тем не менее заведение было выбрано.

– Настя, видите магазин «Школьник»? Нам туда.

Саша остановил машину, помог девушке выбраться. Она смотрела вокруг с веселым любопытством. Он взял ее под руку, повел вдоль здания.

– Вообще-то карандаши, ручки и пенал я уже купила, – заговорщически шепнула она ему на ухо.

– Да? Что ж, это упрощает дело. Тогда нам вот сюда.

Турецкий распахнул дверь, расположенную почти рядом с магазином. Над дверью витиеватыми буквами было начертано название заведения: «Экслибрис». И ниже: «кафе-бар».

Они оказались в небольшом зале в зеленовато-бежевых тонах, с высокими вытянутыми окнами, мягкими диванами. Стены бара были увешаны офортами и литографиями. В середине располагалась кирпичного цвета колонна-этажерка с застекленными полками.

Настя озиралась, разглядывала настенную живопись, подошла к этажерке.

– Ой, а что там? – она указала на крошечные, размером меньше ладони, книжечки, выставленные в витрине.

– Здесь, Настя, хранятся уникальные книжки-миниатюры. Все они изданы вручную тиражом в тридцать—пятьдесят экземпляров.

– Ой, вон «Ворон» Эдгара По! Какая крошечная книжечка! И в кожаном переплете! Какая прелесть! А вон Саша Черный! Тоже с ноготок! Какое чудо!

Она так искренне радовалась! У Саши отлегло от сердца. Все-таки он не ошибся!

– Настя, видите два зернышка? Вон, на подушечке, в коробочке...

Он чуть коснулся ее обнаженного плеча, показывая на половинки тщательно отполированных рисовых зерен. И от этого прикосновения сердце опять заколотилось. «Да что это я как мальчишка!» – испугался сам себя Турецкий.

– Вижу. А что это?

– Вот представьте себе, что на одном из них нарисован Пушкин в цилиндре, а на другом – Лермонтов с усами. Верите?

– Вообще-то вы, Александр Борисович, внушаете доверие. Иначе бы мы сегодня не встретились. Ну чтоб Лермонтов с усами – ну еще туда-сюда, но чтобы Пушкин, и в цилиндре – это просто никуда! – переориентировала она Хармса.

– А это действительно так! – голосом шоумена воскликнул Александр. – Георгий, докажем очаровательной даме, что настоящим мужчинам можно и нужно верить всегда!

Молча наблюдавший за ними из-за барной стойки бармен Георгий степенно подошел, отомкнул стеклянную витрину, вынул прозрачную пластиковую коробочку и направился к окну, где стоял маленький столик.

– Ой, да здесь микроскоп! – Настя захлопала в ладоши.

Георгий с видом профессора биологии тонким пинцетом извлек одну из рисовых половинок, положил ее на предметное стекло и затем под микроскоп. Зажглась маленькая лампочка, подающая свет на зеркальце микроскопа. Настя прильнула к окулярам.

– Ой, правда, Пушкин в цилиндре! Нарисован на зернышке! Вот это да! Я такого никогда не видела! Что за Левша это сделал?

Она все не могла оторваться от микроскопа. Турецкий тихо радовался.

– А Лермонтова можно посмотреть?

И она рассматривала другое рисовое зернышко, уже с усатым Михаилом Юрьевичем.

Наконец осмотр достопримечательностей заведения был окончен. Они разместились у окна, за маленьким столиком на двоих.

Официант принес меню и высокую вазу, куда поместили розу.

– Настя, я голоден и надеюсь, вы тоже. Поэтому давайте играть по-крупному.

Настя с некоторой опаской уткнулась в меню. Саша как бы углубился в свое. В действительности же украдкой наблюдал за девушкой. Напряженное выражение ее лица сменилось почти безмятежным. Она расслабилась. И это тоже было частью его замысла. Цены в кафе были весьма умеренны. Настя поняла, что в случае чего может расплатиться сама. Так ему показалось. Но он все-таки мог в ней ошибиться.

– Ну-с? Чем будем закусывать? – осведомился он.

– Даже и не знаю. Ну вот греческий салат, например. Он легкий.

– Я знаю закуску более легкую. Это фирменный салат «Экслибрис».

– А, вижу. Беби-ананас, листья салата, креветки, кукуруза, сладкий перец, апельсин, – читала Настя. – Все это под йогуртом и майонезом. Наверное, ужасно вкусно! И совсем недорого! – вслух изумилась она, слегка покраснела и добавила: – Вполне по карману даже девочке до шестнадцати лет!

Эта ее смесь простодушия и лукавства ужасно нравилась Турецкому.

– Надеюсь, до вашего кармана мы не доберемся. Обойдемся моим.

– Я тоже надеюсь, – ответила она и вдруг посмотрела на него очень серьезным, взрослым взглядом.

«Я надеюсь, что ты меня не обидишь и мне не придется платить за свою доверчивость» – так прочел этот взгляд Турецкий.

– Итак, закуска выбрана! Что далее? Что вы предпочитаете? Рыбу, мясо?

– Рыбу. А что это за блюдо под названием «Рыба ест рыбу»?

– Это дуэт семги и осетрины под соусами из красной и черной икры. Заказываем?

– Нет, это как-то слишком... калорийно. Я бы предпочла форель.

Все-таки держится в рамках своего кошелька. Еще не вполне доверяет...

С этими мыслями Александр сделал заказ: два фирменных салата, форель для дамы и стейк для мужчины. Двести... нет, триста граммов коньяка (пусть нас воспринимают такими, какие мы есть) и бутылку шампанского. Настя отказалась от вина.

Через несколько минут молчаливый официант оставил их наедине с замысловатой закуской, бокалом шампанского, рюмкой коньяка и друг с другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.